

СИНТАКСИС «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЕГО ПОЭТИЧЕСКИМИ ПЕРЕЛОЖЕНИЯМИ

© 2015 г. Н. В. Патроева

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, 185910, Россия
nvpatr@list.ru

В статье рассматривается типология синтаксических конструкций, представленных в «Слове о полку Игореве» и его поэтических переложениях, созданных В. А. Жуковским и Н. А. Заболоцким. Описание строения и семантики простых двусоставных и односоставных предложений, сложных предикативных единиц и некоторых видов синтагм, осложняющих элементарную модель предложения, осуществляется с учетом их роли в создании системы художественных образов и мотивов, а также в ритмо-мелодической организации древнерусского памятника. Грамматическое строение переложений «Слова о полку Игореве» анализируется с точки зрения соответствия синтаксису оригинального текста либо направлениям трансформации тех или иных его звеньев при переводе в поэтическую форму. Синтаксическая архитектура древнерусского памятника, очень разнообразная в отношении типологии и усложненная симметрией колонов и их звеньев, параллелизмом, повторами конструкций и их частей, инверсией, диалогическими единствами, цитатными фрагментами, метафорическими неделимыми синтагмами, асиндетоном в сочетании с богатой системой паузирования, формируемой членением текста на отдельные простые предложения или предикативные части внутри сложных целых, однородными рядами, обращениями, вербодными оборотами, сравнительными синтагмами, явилась гениальным по замыслу и исполнению предвещьем будущего «строительства» системы синтаксических норм классической русской поэтической речи, которое будет совершаться в карамзинскую и пушкинскую эпоху. Наблюдения над синтаксической структурой переложений В. А. Жуковского и Н. А. Заболоцкого показывают, что именно перевод середины XX в., будучи более вольным, чем у В. А. Жуковского, в аспекте сохранения синтаксических особенностей оригинального текста, более близок поэтической морфологии и синтаксису начала XIX в., историческим стилизациям романтиков пушкинской эпохи.

Ключевые слова: синтаксис, поэтический синтаксис, поэтическое переложение, тропы и фигуры речи, ритм, текст

SYNTAX OF 'THE TALE OF IGOR'S CAMPAIGN' COMPARED WITH ITS POETIC INTERPRETATIONS

Natal'ya V. Patroeva

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, 185910, Russia
nvpatr@list.ru

The article discusses the typology of syntactic constructions presented in «The tale of Igor's campaign» and its poetic versions created by V. A. Zhukovsky and N. A. Zabolotsky. The description of the structure and semantics of one-member and two-member sentences, complex predicate units and certain types of syntagmas, complicating the basic model of the proposals, participate at the analysis of artistic images and motifs, as well as a melodic-rhythmic organization of ancient monument. The grammatical structure of «The tale of Igor's campaign» poetic versions is analyzed in terms of matching the syntax of the original text or the directions of transformation of one of its units in the translation in poetic form. The syntactical architectonic of the ancient monument is very diverse typologically and complicated by the symmetry of

the columns and their links, parallelism, repetitions of structures and their parts, inversion, dialogic unity, quotation fragments, metaphorically indivisible syntagmas, asyndetons in the league with a rich system of pausing formed by the division of the text into single, simple sentences or predicate parts inside complex integrals, words of address, verbal structures, comparative syntagmas. The syntax of «The tale of Igor's campaign» was brilliant in conception and execution and heralded the future «building» of a syntactic rules system, attributed to the classic Russian poetic speech. This concept will be fulfilled in Karamzin's and Pushkin's period. The observations, made on the syntactic structure V. A. Zhukovsky's and N. A. Zabolotsky's versions, show that the translation of the mid-twentieth century is a freestyle one in comparison with Zhukovsky's experience, that is conservating syntactic features of the original text. The grammatical structure of Zabolotsky's translation really is more close to the poetic morphology and syntax of the beginning of the 19th century, and to the historical romantic stylization of Pushkin's time.

Keywords: syntax, poetic syntax, poetic translation, tropes and figures of speech, rhythm and text

Введение

За свою почти трехвековую историю отечественное языкознание накопило большой объем сведений об эволюции синтаксической системы русского языка древней, старшей и новой поры. Достаточно подробно описаны процессы формирования различных типов русского предложения, изменения в морфологическом облике и порядке расположения членов предложения, постепенное расширение и последующая дифференциация синтаксических значений падежей и многие другие явления. Однако имеющиеся данные не позволяют пока, к сожалению, представить целостную и детальную картину непрерывного поступательного движения русского грамматического строя от синтетического к аналитико-синтетическому типу, содержательного и формального обогащения системы синтаксических категорий. Для решения комплекса проблем грамматической реконструкции, очевидно, прежде всего необходимо скрупулезное и максимально полное описание синтаксиса всех сохранившихся памятников древней и старшей поры, поэтому по-прежнему актуальной остается задача, сформулированная В. В. Виноградовым еще в середине 1940-х гг.: «...сейчас крайне необходимы как синтаксические исследования по истории отдельных категорий и конструкций, так и полные всесторонние описания синтаксического строя отдельных произведений, отдельных литературных памятников» [Виноградов 1978: 173].

В этом смысле «Слово о полку Игореве» — один из самых ярких и интересных источников, к которому многократно обращались взоры исследователей русской старины. Между тем синтаксис этого древнего памятника изучен в гораздо меньшей степени, чем лексика и морфология¹. Наиболее полный анализ многих синтаксических особенностей «Слова» был осуществлен М. Н. Петерсоном [Петерсон 1937: 547—594] и С. П. Обнорским [Обнорский 1946: 164—181], выявившими особенности согласования подлежащего и сказуемого, расположение прямых и косвенных дополнений, предикативное функционирование кратких форм прилагательных и причастий, формы глагольных связок, падежные конструкции, роль местоимений, предлогов и союзов и т. д., но по преимуществу на морфологической основе, без исчерпывающего описания типологии простых и сложных предложений, используемых в памятнике XII в., и их роли в создании художественного колорита, а также особого ритма «Слова».

С целью исследования как некоторых направлений синтаксической эволюции русского грамматического строя, так и особенностей синтаксической архитектоники «Слова о полку Игореве» (в дальнейшем — СПИ), споры о поэтическом либо прозаическом характере которого ведутся уже на протяжении двух столетий, представляется интересным сопоставить синтаксическую организацию СПИ с синтаксическим строением двух его наиболее известных и талантливо исполненных переложений, созданных В. А. Жуковским и Н. А. Заболоцким.

¹ См. краткий обзор [Энциклопедия 1995: 293—296].

Сложные предложения в СПИ

Синтаксическая структура СПИ в главных своих чертах вполне соответствует общим особенностям грамматического строя древнерусских памятников: сочинительные связи и отношения (перечислительно-соединительные, со- и противопоставительные) в анализируемом тексте представлены в качестве доминирующих (в пропорции 3 : 1) в сравнении с подчинительными: так, среди двучастных сложных конструкций 20 включают сочинительный союз и только 8 — подчинительный союз или местоименный релят (см. таблицу 1 в Приложении). Однако опередивший свое время талант создателя «Игоровой песни», столь очевидно являющий себя во всей образной системе произведения, в отборе лексики и фразеологии, насыщающей текст «Слова» многочисленными метонимиями, синекдохами и метафорами, богатой фольклорно-мифологической символикой, не мог не проявить себя и в оригинальном синтаксическом построении, и в неординарной ритмо-мелодической организации, и в целостной архитектонике памятника.

Синтаксическая ткань «Слова», несмотря на производимое древним шедевром общее впечатление структурной «легкости» и лаконичности, складывается большей частью из полипредикативных конструкций (см. таблицу 1; ср. с данными М. Н. Петерсона, согласно которым в СПИ простые предложения составляют 44,8 %, а сложные — 55,2 % [Петерсон 1937: 548]), и прежде всего — из соединяемых интонационно, без помощи союзов и местоимений (в качестве материала для сопоставления приведем также вывод А. Н. Котляренко о преобладании в «Задонщине» простых предложений [Котляренко 1966: 179]). По мнению авторитетных историков синтаксиса, в древнерусском языке бессоюзные предложения были не столь распространены, как в современном русском, в частности, они употреблялись значительно реже сложноподчиненных предложений (см. [Борковский 1972: 47—55]: характерные в первую очередь для живой разговорной речи с ее богатыми интонациями, бессоюзные конструкции не всегда находили структурно-семантическую аналогию в письменном тексте при той степени развития норм словорасположения, которая была свойственна древнерусскому предложению.

Между тем в СПИ, прежде всего, бросается в глаза высокий удельный вес бессоюзно оформленных сложных предложений² и однородных рядов³. «В сфере синтаксиса наряду с чертами, характерными для старейших древнерусских памятников, у СПИ имеется и несколько таких черт, которые мало похожи на древние и, напротив, порождают ощущение того, что перед нами текст подозрительно современного звучания. В наибольшей степени это относится к характерному для СПИ и столь нехарактерному для древнерусских памятников бессоюзно», — отмечает А. А. Зализняк, автор одного из последних по времени появления лингвистических монографических исследований «Слова» [Зализняк 2008: 119]. В СПИ доля бессоюзных конструкций составляет 66,4 % от общего числа всех построений — очень высокий показатель для древнерусского источника в сравнении, например, с 14 % в «Сказании о Мамаевом побоище» [Там же: 198, 288].

По нашим данным, среди двучленных сложных предложений на долю бессоюзно оформленных приходится 33 репрезентации (см. таблицу 2). Легче всего усомниться в целостности предложений, выражающих отношения перечисления, и попытаться разбить оформленные в разных изданиях «Слова» бессоюзные предложения на ряд простых. Однако тесное смысловое единство, параллелизм построения, наличие общих для нескольких частей второстепенных компонентов и частиц, местоименные повторы и отсылки, ассоциативные переклички между содержащимися в отдельных частях сложного целого образами-ситуациями не позволяют механически разъединить эти конструкции на отдельные простые предложения:

² Одним из первых обратил внимание на эту синтаксическую черту древнерусского памятника М. Н. Петерсон. См. подробнее [Петерсон 1937: 553].

³ В «Задонщине», например, однородные ряды и части сложных предложений гораздо чаще соединяются с помощью сочинительных союзов [Котляренко 1966: 174—179, 195].

Заря свѣтъ запала, / мъгла поля покрыла. / Щекоть славий успе; / говор галичь убуди [Слово о полку Игореве 1985: 31]⁴.

Немизѣ кровави брезѣ / не бологомъ бяхуть посѣяни — / посѣяни костьми рускихъ сыновъ (с. 45).

Именно бессоюзные конструкции с подобным симметрично повторяющимся построением⁵ и таким же зеркальным смысловым соотношением — по типу цепного нанизывания попарно соединяемых и сопоставляемых ситуаций — часто создают тот особый параллелизм в архитектонике «Слова», на который уже неоднократно обращали внимание исследователи «Игоревой песни» (см., например, [Еремин 1950: 120; Демкова 1979; Лихачев 1983]). В результате подобной синтаксической и ритмической дублетности, дополняемой обильными лексическими, морфологическими и фонетическими повторами, в системе СПИ возникают многочисленные ассоциативные переключки, антитезы, «эхо-повторы» [Николаева 2011: 13, 15—17].

Бессоюзные структуры участвуют в создании сближающих «Слово» с фольклорными источниками фигур сравнения по типу отрицательного параллелизма (в цитатах из Бояновых песнопений) или присоединяемого добавочного сопоставления (в авторских размышлениях):

«Не буря соколы занесе / чрезъ поля широкая — / галицы стады бѣжать / к Дону великому» (с. 28).

А не сороки втроскоташа — / на слѣду Игоревѣ ѣздить Гзакъ съ Кончакомъ (с. 50).

«Тяжко ти головы кромѣ плечю, / зло ти тѣлу кромѣ головы» — / Руской земли безъ Игоря (с. 52).

В. В. Колесов замечает по поводу отличий в ритмо-метрической и синтаксической структуре при переходе от Бояновых вкраплений в «Слове» к авторскому «песнопению»: «Все стихи-цитаты из Бояна строятся по парному принципу, что весьма характерно для древнеславянской языческой поэзии и долго еще сохранялось (в виде отрицательного сравнения) в русской народной поэзии. Напротив, если поэтический повтор принадлежит самому автору «Слова», такие стихи состоят из трех членов сопоставления, что стало обычным значительно позднее. Это еще одно свидетельство того, что автор «Слова», отталкиваясь от старой поэтической традиции, желая петь «не по замыслению Бояна», но хорошо зная эту традицию, стоит в самом истоке новой для восточных славян поэтической техники, а необходимость изменений диктуется существенными изменениями русского языка, произошедшими на протяжении XII века» [Колесов 1983: 22—23].

Более половины бессоюзных бинарных структур выражают не соединительно-перечислительные отношения, свойственные прежде всего повествовательной манере изложения, а объяснительно-пояснительные (*На рѣцѣ Каялѣ тьма свѣтъ покрыла — по Руской земли прострошася половци... Сѣ бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю: звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, деляютъ мечь Шароканю* (с. 39)), причинные (*Солнце свѣтитя на небесѣ, — Игорь князь въ Руской земли...* (с. 52)), противительно-уступительные (*Всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячую свою лучю на ладѣ вои?* (с. 48)), изъяснительные (*Комонь въ полуночи Овлурѣ свисну за рѣкою: велить князю разумети: князю Игорю не быть!* (с. 49)), соединительно-следственные (*Чръна земля подѣ копытъ костьми была посѣяна, а кровию поляна: тугою взыдоша по Руской земли* (с. 34)), целевые (*...а всядемъ, братие, на свои брѣзья томони, да позримъ синего Дону...* (с. 27)) отношения, насыщающие текст «Слова» разнообразными, часто неоднозначно дифференцируемыми, только угадываемыми и предполагаемыми смысловыми соответствиями,

⁴ Здесь и далее текст «Слова», а также его поэтические переложения цитируются по этому изданию с указанием страниц в скобках за текстом.

⁵ Параллелизм и зеркальное (хиастическое) расположение являются ведущими принципами порядка размещения предложений в «Слове» [Петерсон 1937: 563—564].

вносящими в «Игореву песнь» принадлежащие автору и героям «песни» оценки, сравнения, рассуждения, толкования. Именно бессоюзные предложения, при неразвитости в языке древней поры гибкой и богатой системы способов формального выражения гипотаксиса, оказались для создателя поэтического шедевра удобным средством экспликации значений обусловленности и пояснения, необходимых для размышления о причинах и следствиях изображаемых в «повести по былинам» исторических событий. Входящие в бессоюзные высказывания частицы (*бо, же, не, уже* и др.) также создают необходимые автору смысловые акценты, «скрытую», «теневую» [Николаева 1985: 125] семантику, придавая контексту некую аксиологическую и онтологическую «двуликость», амбивалентность⁶.

В многочисленных сложных конструкциях бессоюзные предложения составляют более половины (22 из 40 конструкций). Доля бессоюзия увеличивается благодаря присутствию в тексте сложных предложений контаминированной структуры (содержащих бессоюзно оформленные части наряду с союзным присоединением — 11 конструкций) и однородным рядам главных и второстепенных членов предложения:

Темно бо бѣ въ 3 день: / два солнца помѣркаста, / оба багряная стѣла погасоста, / и съ нима молодая мѣсяца — / Олегъ и Святъславъ — / тьмою ся поволокаста / и въ морѣ погрузиста, / и великое буйство подаста хинови (с. 39).

Другаго дни велми рано / кровавая зори свѣтъ повѣдають; / чръныя туча съ моря идуть, / хотяъ прикрыти 4 солнца, / а въ нихъ трепешуть сини мльнии (с. 32).

Многочастные бессоюзные предложения состоят в СПИ, как правило, из трех предикативных единиц, будучи и образно выстроены по принципу триады, что заставляет вспомнить также и о сакральном значении числа 3:

Были вѣчи Трояни, / минула лѣта Ярославля; / были плъци Олговы, / Ольга Святъславича (с. 33).

Съ зараниа до вечера, / съ вечера до свѣта / летяъ стрѣлы каленыя, / гримлють сабли о шеломы, / трещатъ копиа харалужныя / во полѣ незнаемѣ, / среди земли Половецкыи (с. 34).

Уже снесеса хула на хвалу; / уже тресну нужда на волю; / уже врьжеса дивъ на землю (с. 39).

Уныли голоси, / пониче веселие, / трубы трубятъ городеньскийи! (с. 44).

Игорь спить, / Игорь бдить, / Игорь мыслию поля мѣрить / отъ великаго Дону до малаго Донца (с. 48).

Однако более четверти многочленных образований в «Слове» имеют в своем составе от 4 до 11 частей и создают вторгающиеся в повествование о военных событиях оценочно-интерпретирующие и описательно-панорамные контексты:

⁶ Квалификация слова *бо*, как, впрочем, и *же*, в историко-грамматической литературе и лексикографических источниках носит противоречивый характер: некоторые исследователи относят подобные лексемы к частицам, выражающим синкретичное значение и выполняющим синтаксическую функцию (см., например, [Историческая грамматика 1979: 43, 305; Колесов 1989: 247; Брукер 1990: 164; Акимова 2006: 117]), другие же — к союзам, участвующим в формировании каузативных, пояснительных, изъяснительных отношений в структуре древнерусского (см., например, [Истрина 1923: 59; Черкасова 1948: 46—68; СДРЯ, 1: 246—248; СлРЯ XI—XVII вв., 1: 252]). Поскольку частицы, количественно широко представленные в древнерусских текстах, хотя по качественному своему составу мало еще разнообразные, очевидно, раньше союзов «были осознаны как показатель текстовой коннекции и текстовой семантики» [Николаева 1978: 18] и «союзы в их современном виде есть более поздний продукт, чем частицы» [Николаева 1985: 18], мы склонны относить *бо* и *же* к переходным явлениям в системе древнерусской грамматики — частицам, находящимся в процессе превращения в союзы, но еще сохраняющим функцию актуализации, подчеркивания, в зависимости от позиции в предложении то более ярко проявляющуюся, то завуалированную уже ролью связующего звена между частями сложного целого. Ср.: *Боянь же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедѣй пуцаше, нъ своя вѣщиа прѣсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокотаху* (с. 27) и *Почнемъ же, братие, повѣсть сию...* (с. 27); *Уже бо, братие, не веселая година вѣстала, уже пустыни силу прикрыла* (с. 35) и *Усобица княземъ на поганая погыбе, рокоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же»* (с. 35).

Земля тутнесть, / рѣкы мутно текуть, / пороси поля прикрывають, / стязи глаголють: / половци идуть
отъ Дона, / и отъ моря, / и отъ всѣхъ странъ рускыя плѣкы оступиша (с. 32—33).

Солнце ему тъмою путь заступаше; / нощь стонущи ему грозою птичь убуди; / свистъ звѣринь
вѣста, / збиса дивъ — / кличьть врѣху древа, / велить послушати — земли незнаемъ ... (с. 30).

Уже бо бѣды его пасеть птицъ по дубио; / вльци грозу въсрожать по яругамъ; / орли клеткомъ на
кости звѣри зовуть; / лисици брешуть на чръленыя щиты (с. 30).

Подобные предложения усложненной структуры, сочетающие в себе разные типы связей и отношений, требуют от слушателя (читателя) «Слова» внимания к каждому новому композиционному движению и ассоциативно-образному ходу мысли песнотворца:

Ти бо два храбрая Святъславлича, — / Игорь и Всеволодъ — / уже лжу убудиста которою, / ту
бѣше успилъ отецъ ихъ — / Святъславъ грозный великий киевский — / грозою: / бѣшетъ при-
трепалъ своими сильными плѣкы / и харалужными мечи, / наступи на землю Половецкую, /
притопта хльми и яругы, / взмути рѣкы и озеры, / иссуши потоки и болота (с. 36—37).

А мои ти куряни свѣдоми къмети: / подь трубами повити, / подь шеломы възлѣлѣяни, / конецъ
копия въскрѣмлени, / пути имь вѣдоми, / яругы имь знаеми, / луци у нихъ напряжени, / тули
отворени, / сабли изьострени; / сами скачуть, акы сѣрыи вльци въ полѣ, / ишучи себе чти,
а князю славѣ ... (с. 29).

Основная масса сложносочиненных структур «Слова» (20 бинарных сложносочиненных предложений, 5 трехчастных сложносочиненных, 7 — в составе многочастных структур с контаминацией сочинения и подчинения либо сочинения и бессоюзия) участвует в выражении отношений со- и противопоставления (антитеза, противопологающих князей, творящих междоусобные войны, русичей и половцев, старые времена и нынешние):

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, / а храбрии русици преградиша чрълеными щиты
(с. 33).

А князи сами на себе крамолу коваху, / а погании сами, побѣдами нарищуше на Рускую землю, /
емляху дань по бѣлѣ отъ двора (с. 36).

...сега бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, / а друзии — Давидовы, / нъ розно ся имь хоботы пашуть
(с. 46).

Иногда сочинение частей подчеркивает, напротив, сходство найденных автором или перенятых им из фольклорной традиции ярких образов, объединенных в «Игровой песне» идеей скорби, печали:

Ничить трава жалошамы, / а древо с туюго къ земли преклонилося (с. 35).

Уныша бо градомъ забралы, / а веселие пониче (с. 37).

Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, / нъ часто врани граяхуть, / трупиа себѣ дѣляче, /
а галици свою рѣчь говоряхуть, / хотять полетѣти на уедие (с. 34).

Уже бо Сула не течеть сребренными струями / къ граду Переяславлю, / и Двина болотомъ течеть /
онымъ грознымъ полочаномъ / подь кликомъ поганыхъ (с. 43).

...утрѣлъ солнцю свѣтъ, / а древо не бологомъ листвие срони: / по Рси и по Сули гради подѣлиша
(с. 43).

Сочинение частей может выражать гиперболизацию происходящего и создавать в контексте некий эффект «обманутого ожидания»⁷:

Тому въ Полотьскѣ позвониша заутренюю рано / у Святыя Софеи въ колоколы, / а онъ въ Киевѣ
звонъ слыша (с. 46).

Уже в древнерусский период сложносочиненные предложения с соединительными, сопоставительно-противительными и разделительными отношениями [Спринчак 1964: 16, 22; Стеценко 1977: 163; Историческая грамматика 1979: 22] способны были в качестве дополнительных семантических оттенков выражать также разные значения обусловленности. В СПИ встречается конструкция, участвующая в оформлении целевых отношений

⁷ О семантических особенностях сочинительных союзов см., например, [Урысон 2006: 22—42].

и включающая составной союз *а быхъ*, который еще сохраняет следы своего происхождения от сочетания простого сочинительного союза с изменяемой по лицам глагольной формой:

Възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, / а быхъ не слала къ нему слезъ / на море рано... (с. 48).

Отношения гипотаксиса в «Слове» довольно разнообразно представлены в сложных конструкциях (в том числе бессоюзных и сложносочиненных — см. примеры, приведенные ранее), 8 из которых — бинарные сложноподчиненные предложения, 1 — трехчастное сложноподчиненное предложение; 7 репрезентаций — многочленные предложения, включающие сочинительную или бессоюзную связь наряду с подчинением:

а) с условными отношениями:

«Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, / ни нама будетъ сокольца, / ни нама красны дѣвице, / то почнуть наю птици бити / въ полѣ Половецкомъ» (с. 51).

б) с атрибутивными отношениями:

Ту нѣмци и венедици... / кають князя Игоря, / иже погрузи жиръ во днѣ Каялы... (с. 37).

в) с уступительными отношениями:

Аще и вѣща душа въ дръзѣ тѣлѣ, / Нъ часто бѣды страдаше (с. 46).

г) с пространственными отношениями:

Камо, турь, поскочаеше, / своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, / тамо лежать поганья головы половецкыя (с. 33).

д) с временным значением:

Коли Игорь соколomъ полетѣ, / тогда Влурь вълкомъ потече, / труся собою студеную росу: / претръгоста бо своя бръзая коноя (с. 49).

е) со сравнительно-противопоставительным придаточным:

Лице жъ бы потяту быти, / неже полонену быти... (с. 27).

Сложноподчиненные структуры используются автором «Слова» в зачине (*Боянь бо вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подѣ облакы... Тогда пуцашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣй; которы дотечаше, та преди пѣснь пояше — старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предѣ пълкы касожьскими, красному Романови Святъславичю* (с. 26)), в собственных размышлениях об изображаемых событиях и лицах (*Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ* (с. 41); *Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию своею...* (с. 27)), а также в прямой речи героев («...*Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ, высоко птиць възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду...*» (с. 40); «*Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколчица рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами*» (с. 50—51); «*Аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а въ соколчица опутаевѣ красною дѣвицею*» (с. 51)). Используемые в сложноподчиненных предложениях относительные местоимения и союзы, стилистически «высокие» (*аще, камо, яко, иже*, вытесненное в дальнейшем местоименным прилагательным *который*⁸) и «сниженные» (*коли*), подтверждают выводы исследователей «Слова» о сочетании в памятнике черт книжного и разговорного синтаксиса.

⁸ Однако в древнерусский период *иже* «довольно широко (примеры с *который* единичны) используется в памятниках восточнославянской письменности...» [Древнерусская грамматика 1995: 361].

Односоставные и двусоставные конструкции в СПИ

Особый колорит придают «Слову» разные виды односоставных конструкций (34 репрезентации в качестве отдельных простых предложений, также более 30 — в структуре сложных).

То обстоятельство, что, согласно общей для древнерусской эпохи тенденции (см. [Ломтев 1956: 59; Историческая грамматика 1979: 9, 187]), в двусоставных предложениях памятника нечасто используются в качестве подлежащих морфологически «избыточные» личные местоимения 1 и 2-го лица, обуславливает широкое распространение в «Слове» определенно-личных односоставных конструкций (19 отдельных предложений, 11 — в составе сложных конструкций), которые встречаются в прямой речи героев «Игровой песни», а также в эмоционально насыщенных обращениях автора к князьям, поэтому в качестве предикатов подобных структур преобладают формы 2 л. индикатива или императива:

а) в речи Игоря и Всеволода:

«Братие и дружино! / ... а всядемь, братие. / на свои бръзья комони, / да позримь синего Дону» (с. 27).

«Хошу бо, — рече, — копие приломити / конец поля Половецкаго, / съ вами, русици, хошу главу свою приложити, / а любо испити шеломомъ Дону» (с. 28).

«...Съдлай, брате, / Свои бръзья комони...» (с. 29).

б) в «золотом слове» Святослава:

«О моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! / Рано еста начала Половецкую землю / мечи пѣлити, / а себѣ славы искати. / Нѣ нечестно одолѣсте, / нечестно бо кровь поганую пролиясте... / Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ? / А уже не вижду власти... / брата моего Ярославла... / Нѣ рекосте: «Мужаймѣся сами: / преднюю славу сами похитимь, / а заднюю си сами подѣлимь!» (с. 39).

в) в плаче Ярославны:

«Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви, / омочю бегрянѣ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, / утру князю кровавыя его раны... (с. 47).

г) в рефрене-восклицании автора:

О Руская землѣ! уже за шеломянемъ еси! (с. 31—32).

д) в авторских обращениях к князьям:

Ярь туре Всеволодѣ! / Стоиши на борони, / прыщещи на вои стрѣлами, / гремлещи о шеломы мечи харалужными! (с. 33).

Ты, буй Рюриче, и Давыде!.. / Вступита, господина, въ злата стремень... / Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! / Высоко сѣдиши на своемъ златоконаннѣмъ столѣ.. / отворяещи Киеву врата, / стрѣляещи съ отня злата стола. / Стрѣлай, господине, Кончака... / А ты, буй Романе, и Мстиславе!.. / Высоко плаваещи на дѣло... (с. 41—42).

Иньгварь и Всеволодь, / и вси три Мстиславичи, / не худа гнѣзда шестокрилицы! / Не побѣдными жребии / собѣ власти расхътитесте!.. / Загородите полу ворота... (с. 43).

Неопределенно-личные предложения не столь активны в повествовании, где действующими лицами оказываются конкретные исторические лица. Автор «Слова» использует неопределенно-личные модели только в тех контекстах, в которых нет необходимости уточнять конкретного деятеля (при описании битв русских с половцами), или же возникает потребность «зауалировать» предполагаемого и подлежащего разгадыванию субъекта действия (в вешем сне Святослава, а также при истолковании боярами приснившегося Святославу), или для создания гиперболы:

Съ зараня в пятокъ / потопташа поганяя плъкы половекия... (с. 31).

Бишася день, / бишася другый... (с. 35).

На Немизѣ снопы стелють головами, / молотять чеши харалужными, / на тоѣ животь кладуть, / вѣють душу отъ тѣла (с. 45).

Се у Римѣ кричатъ подь саблями половецкыми... (с. 40).

«Си ночь съ вечера одѣвахуть мя... / чръною паполомою / на кровати тисовѣ; / чръпахуть ми синее вино. / съ трудомъ смѣшено; / сыпахуть ми тѣщими тулы поганыхъ тльковинѣ / великий женчугъ на лоно / и нѣгують мя (с. 38).

«... Уже соколома крильца пригѣшали / поганыхъ саблями, / а самаю опуташа / въ путины желѣзны» (с. 39).

Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано / у Святыя Софеи въ колоколы, / а онѣ въ Киевѣ звонѣ слыша (с. 45—46).

Безличные и инфинитивные⁹ конструкции, передающие разнообразные модально-оценочные смыслы, а вместе с тем и интенции говорящего, участвуют в оформлении зачина и концовки «Игоревой песни»:

Не лѣпо ли ны бяшетъ братие, / начяти старыми словесы / трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ. / Игоря Святъславлича? (с. 26).

Начати же ся тѣй пѣсни / по былинамъ сего времени. / а не по замышлению Бояню! (с. 26).

Пѣти было пѣснь Игореву, / того внуку... / Чи ли воспѣти было, / вѣщей Бояне, / Велесовъ внуче... (с. 28).

Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, / а потомъ молодымъ пѣти... (с. 54).

Включаются безличные и инфинитивные конструкции также в «чужом слове», имеющем характер «притчи или пословицы» [Буслаев 1861: 392], «припевки» из Бояна — «этих драгоценных остатков навсегда утраченного для нас целого» [Там же: 392], «золотого слова» Святослава, лирически насыщенного плача Ярославны и «жень русскихъ», диалога персонализированного Донца и князя Игоря:

«Ни хытру, / ни горазду, / ни птицю горазду / суда бо жиа не минути» (с. 46).

А чи диво ся, братие, стару помолодити? (с. 40).

Мало ли ти бяшетъ горѣ подь облакы вѣяти, / лелѣючи корабли на синѣ морѣ? (с. 47)¹⁰.

Донецъ рече: / «Княже Игорю! / Не мало ти величия, / а Кончаку нелюбия, / а Руской земли веселиа». / Игорь рече: / «О Донце! / не мало ти величия...» (с. 49).

Безличные конструкции участвуют в создании символического пейзажа (солнечного затмения):

Темно бо бѣ в 3 день... (с. 39).

Безличными и инфинитивными предложениями формируется категория негации, в этом случае тесно взаимодействующая с яркими модальными значениями невозможности и трагической предопределенности:

Не бысть ту брата Брячяслава... (с. 44).

Того старого Владимира / нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ... (с. 46).

...ни нама будеть сокольца, / ни нама красны дѣвице... (с. 51).

Также одухотворенные, эмоционально приподнятые обращения автора к князьям, подводящие печальный итог происходящему, вбирают в себя безличные и инфинитивные предложения со значением роковой неизбежности или выражающие чувства героя, мотивы поступков:

⁹ Одна из интерпретаций функционирования инфинитивных предложений в «Слове» представлена в работе [Тарланов 1990: 143—147].

¹⁰ Обстоятельный разбор «поведения» местоимений, перфектных форм и частиц в «Слове» см. в [Зализняк 2006: 3—21; 2007: 3—13].

Игорь плъкы заворочаетъ: жаль бо ему мила брата Всеволода (с. 35).
 Быти грому великому, / итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! / Ту ся копиемъ приламати, / ту ся
 саблями потручати / о шеломы половецкыя, / на рѣцѣ Каялѣ, / у Дону великаго! (с. 32).
 То было въ ты рати и въ ты плъкы, / а сицей рати не слышано! (с. 34).
 Не мыслию ти прелетѣти издалеча / огня злата стола поблюсти? (с. 41).
 А Игорева храбраго плъку не крѣсити! (с. 43).
 Не бысть ту брата Брячеслава, / ни другаго — Всеволода (с. 44).
 О, стонати Руской земли, / помянувшѣ прѣвую годину / и прѣввыхъ князей! (с. 46).
 Комонь въ полуночи Овлурь свисну за рѣкою: / велить князю разумѣти: / князю Игорю не быть!
 (с. 49).

«Слово» на всех уровнях организации пронизано так называемыми «темными местами», в которых одни исследователи видят следы «порчи» первоначального текста, другие — специально примененный автором «Слова» прием¹¹. Одно из таких «темных мест» памятника — создающая семантическую двуплановость (в отношении значения творительного падежа: субъектное или орудийное?), синтаксически неоднозначная (безличная или определенноличная?) конструкция *Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тулии затче?* (с. 48) в плаче Ярославны¹². На наш взгляд, наличие вокативной конструкции в предшествующем контексте и синтаксический параллелизм в построении плача, основанного на олицетворении сил природы, позволяют квалифицировать финал плача как определенноличную конструкцию, структурно повторяющую предшествующие:

О вѣтрѣ, вѣтрило! / Чему, господине, насильно вѣши?.. / О Днепре Словетицю!.. / Възлелѣй, господине, мою ладу къ мне... / Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! / Всѣмъ тепло и красно еси: / чему, господине, простре горячую свою лучю / на ладѣ вои? / Въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, / тугою имъ тулии затче? (с. 47—48).

Нейтрализуется, создавая амфиболию, оппозиция безличной и личной двусоставной конструкции также в следующем контексте:

Тогда, при Олзѣ Гориславличи, / сѣяшеться и растяшеть усобицами, / погибашеть жизнь Дажь-божа внука... (с. 34).

Двусоставные простые предложения — тип структур, качественно и количественно наиболее широко представленный в языковой системе, но в СПИ составляющий только около трети всех высказываний с довольно жестко ограниченными функциями:

а) развертывание событий, составляющих фабулу:

Тогда Игорь възрѣ / на свѣтлое солнце / и видѣ отъ него тьмою / вся своя воя прикрыты (с. 27).
 Игорь ждеть мила брата Всеволода (с. 29).
 Игорь къ Дону вои ведеть! (с. 30).
 Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, / а въ сѣдло кощиево (с. 37).
 А Игорь князь поскочи / горнастаемъ къ тростию / и бѣлымъ гоголемъ на воду (с. 49).
 Игорь ѣдетъ по Боричеву / къ святѣй богородици Пирогошей (с. 52).

б) оформление конструкций с прямой речью (в качестве авторских ремарок):

И рече Игорь къ дружинѣ своей... (с. 27).
 И рече ему буй турь Всеволодь... (с. 29).
 Тогда великий Святъславъ / изрони злато слово / с слезами смѣшено / и рече... (с. 39).

¹¹ См. анализ «аномальных» синтаксических построений, нарушающих линейную цепочку следования членов предложения, ассоциативных «свободных присоединений», нарушающих структурную и смысловую последовательность и «прозрачность» во многих контекстах из «Слова», в работе [Гаспаров Б. 2000: 419—442].

¹² См. подробнее о дискуссии в научной литературе, касающейся квалификации данной структуры, в работе [Гин 1986: 81—86].

Мльвить Гзакъ Кончакови... (с. 50).

Рече Кончакъ ко Гзѣ... / И рече Гзакъ къ Кончакови... (с. 51).

- в) введение краткой сюжетной ретроспективы (повествование о княжеских походах и междоусобицах недавнего прошлого):

Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше / И стрелы по земли сѣяше (с. 33).

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе... / Съ тоя же Каялы Святоплѣкъ повелѣтъ яти отца своего... (с. 34).

И начаша князи про малое / «се великое» мльвити, / а сами на себѣ крамолу ковати (с. 35).

Вы бо своими крамолами / начясте наводити поганья на землю Рускую... (с. 44).

- г) участие в афористически лаконичной метафоризации, гиперболизации и символизации контекста:

Храбрая мысль носить вашъ умъ на дѣло (с. 42).

Единъ же изрони жемчюжну душу / изъ храбра тѣла / чресь злато ожерелие (с. 44).

Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, / а Донъ шеломы выльяти! (с. 41).

Длъго ночь мръкнетъ (с. 31).

«Слово» насыщено восклицательными и вопросительными фразами, являющимися, вкуче с равноуровневыми повторами и параллелизмом построения синтагм, структурной усложненностью и вносящим во взволнованное размышление динамизм асиндетоном¹³, яркие черты поэтического синтаксиса, а также спонтанной живой речи¹⁴:

«Одинъ братъ, / одинъ свѣтъ свѣтлый — / ты, Игорю! / оба есвъ Святъславлича!.. (с. 29).

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо. / Далече залетѣло! (с. 31).

Копиа поють! (С. 46).

А мы уже, дружина, жадни веселия! (с. 39).

Экспрессивно выразительны и эмоционально перекликаются (в том числе цитатами из Бояновых славословий) зачин и концовка памятника:

«Комони ржуть за Сулою — / звенить слава въ Киевѣ; / трубы трубятъ въ Новѣградѣ — / стоять стязи въ Путивлѣ!» (с. 28).

«Слава Игорю Святъславличю, / буй туру Всеволоду, / Владимиру Игоревичу!» / Здрави князи и дружина, / поборая за христианы / на поганья плѣки! / Княземъ слава а дружинѣ! (с. 52).

Риторические восклицания дополняются многочисленными не только в прямой речи, но и в авторском слове медитативными вопросами:

Кая раны дорога, братие, забывъ чти и живота, / и града Чрънигова отня злата стола. / и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны / свычая и обычая? (с. 33).

Что ми шумить, что ми звенить — / Далече рано предъ зорями? (с. 35)¹⁵.

Не ваю ли вои / злачеными шеломы по крови плаваша? (с. 41).

Кое ваши златыи шеломы / сулицы ляцкыи и щиты? (с. 43).

Подобные риторические, «безответные»¹⁶ вопросы — яркая особенность поэтического текста, наполняющая «Слово» лиризмом и, напротив, ослабляющая повествовательное начало памятника.

¹³ Тяготение бессоюзных предложений к использованию именно в языке поэзии отмечалось многими исследователями [Виноградов 1941: 346; Стехин 1966: 99—101; Ковтунова 1986: 189—190; Ширяев 1986: 11 и др.].

¹⁴ Гипотеза о первоначальном устном бытовании впоследствии записанного памятника изложена в работе [Гаспаров Б. 2000: 447—454].

¹⁵ О связи этого контекста с галицкими народными песнями см. [Зализняк 2008: 165].

¹⁶ Термин И. И. Ковтуновой [Поэтическая грамматика 2005: 293].

Обращения, причастные и именные синтагмы как средства ритмизации в СПИ

Грамматическая организация «Слова» свидетельствует о стремлении автора максимально насытить текст мелодически подчеркнутыми (логическим или эмфатическим акцентом, паузами) синтагмами, которые можно с точки зрения ритмо-интонационной рассматривать в качестве колонов (при параллелизме построения — изоколонов). Синтаксические изоколоны, границы которых при устном исполнении произведения отмечаются паузой, являются наиболее яркой приметой народного (былинного, песенного) стихосложения¹⁷, лишенного свойственных классическому литературному стиху графической сегментации, рифмы, изотонии и изосиллабизма. Возникающий при чередовании синтаксических изоколонов ритм, «недостаточно четкий, однако все-таки создающий ощущение мерности речи» [Москвин 2009: 17]¹⁸, в трудах по теории и истории стиха называемый «фразовым», «дисметрическим»¹⁹, формирует стих, равный синтагме-колону и характеризует так называемую «синтаксическую стопу» (в терминах А. А. Потемби), очень удобную для использования синтаксического параллелизма как приема вертикальной ритмизации текста.

Активно используемые как средства ритмизации при создании отдельных синтаксических стоп-изоколонов синтаксический повтор и инверсии в «Слове» формируются во многом благодаря таким конструкциям, как обращения, причастные и субстантивные обороты, а также сравнительные синтагмы.

Обращения (40 вокативных синтагм), представленные в речи автора и героев почти без исключения формами звательного падежа, насыщают «Игореву песню» эмоциональными апелляциями к дружине, а также и ко всем потенциальным слушателям «Слова» (*братие* (с. 26, 27, 33, 35, 36, 40), *дружино* (с. 27, 39)), к князьям (*княже* (с. 44), *Игорю!* (с. 28), *княже Игорю!* (с. 43, 49), *Ярь туре Всеволодь!* (с. 33), *О моя сыновья, Игорю и Всеволоде!* (с. 39), *Ты, буй Рюриче, и Давыде!* (с. 41), *Осмомысль Ярославле!* (с. 41), *А ты, буй Романе, и Мстиславе!* (с. 42), *Инъгварь и Всеволодь, и вси три Мстиславичи...* (с. 43), *Ярославли вси внуце и Всеслави!* (с. 44)) и врагам русичей (*Тьмутороканьский блъван* (с. 30), *половчине* (с. 32)), «вещему» Бояну (*Бояне* (с. 28), *славлю* (с. 28)), олицетворяемым природным явлениям (*О вѣтрѣ, вѣтрило!* (с. 47), *О Днепре Словутицю!* (с. 47), *Свѣтлое и тресвѣтлое слънце!* (с. 48), *О Донче!* (с. 49)) и родной земле (*О Руская земле!* (с. 31, 32)). Риторические обращения к читателю, к своим героям, к Родине сближают, наряду с антитезами и метафорами, поэтический строй памятника с традициями книжного красноречия (см. подробнее [Еремин 1950: 93—129]) и лирическим родом.

Вокативные конструкции приобретают в дополнение к апеллятивной эмоционально-оценочную функцию благодаря соседству субстантивных оборотов (20 репрезентаций в тексте «Слова»), формирующих метафорический контекст:

¹⁷ «...Системообразующим для народного стихосложения приемом является синтаксический изоколон, членящий фразы преимущественно по границам синтагм, что исключает появление резких стиховых переносов... разрывающих синтагмы. Это приводит к активизации синтаксического и, в частности, морфолого-синтаксического параллелизма, при котором в отношении симметрии вступают не только синтаксические конструкции, но и морфемы. В результате чего в концовках стихов появляются вкрапления гомеотелевтов и авторифм...», — отмечает В. П. Москвин [Москвин 2009: 289].

¹⁸ Ср. также: «Никто не сомневается, что “Слову” присущ ритмический строй, ритмическая мерность» [Якубинский 1953: 326].

¹⁹ А. П. Квятковский отмечает: «К области дисметрических форм относятся... формы народного аллитерационного стиха... библейского стиха... Здесь уместно отметить, что “Слово о полку Игореве” написано в разных формах дисметрии... В дисметрических стихах нет правильной ритмической формы, нет количественной закономерности; строки идут “естественными” пластами, без расчлененный стиха на равновеликие части» [Квятковский 2008: 17].

О Бояне, соловию стараго времени!.. / Чи ли вспѣти было, / вѣщей Бояне, / велесовь внуче... (с. 28).

Не было оно обидѣ порождено / ни соколу, / ни кречету, / ни тебѣ, чръный воронь, / поганый по-
ловчине! (с. 31—32).

Иньгварь и Всеволодь... / не худа гнѣзда шестокрильци! (с. 43).

Субстантивные обороты, не относящиеся к вокативам, также создают метафорические перифразы или включают выразительные эпитеты:

Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣють съ моря стрѣлами / на храбрыя плѣкы Игоревы (с. 32).

Стрѣлай, господине, Кончака, / поганого кощя... (с. 42).

Олговичи, храбрыи князи, dospѣли на брань... (с. 43).

Рекъ Боянь и Ходына, / Святславля пѣснотворца / стараго времени Ярославля, / Ольгава коганя
хоти... (с. 51).

Причастные обороты (39 репрезентаций, в основном с нечленными формами) насыщают «Игорову песню» не только дополнительными предикативными позициями, но и усиливают символический и оценочно-интерпретационный планы текстовой прогрессии:

Абы ты сиа плѣкы ущекоталь, / скача, славию, по мыслену древу, / летая умомъ подь облакы, /
свивая славы оба полы сего времени, / рища въ тропу Трояню / чресь поля на горы (с. 28).

Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, / ищучи себѣ чти, а князю — славы. / ...рас-
сушася стрѣлами по полю, / помчаша красныя дѣвки половецкыя... (с. 31).

Высоко плаваеши на дѣло въ буести, / яко соколь на вѣтрехъ ширяся, / хотя птицю въ буйствѣ
одолѣти (с. 42).

О вѣтре, вѣтрило!.. / Мало ли ти бяшетъ горѣ подь облакы вѣяти, / лелѣючи корабли на синѣ
морѣ? (с. 47).

О Донце! / Немало ти величия, / лелѣявшу князя на вльнахъ, / стлавшу ему зелѣну траву / на своихъ
сребреныхъ брезѣхъ, / одѣвавшу его теплыми мѣлами / подь сѣнию зелену древу; / стрежаше
его гоголемъ на водѣ, / чайцами на струяхъ, / чрънядьми на ветрѣхъ (с. 49—50).

Единственный в «Слове» пример одиночного постпозитивного адъективного атрибута, дистанцированного от определяемого, в членной форме причастного происхождения — предвестник формирования в отдаленном от времени создания памятника будущем категории обособленных полупредикативных определений с именами прилагательными, оформление которой станет возможным в системе русского языка после завершения процесса функционального размежевания и позиционного упорядочения лево- и правостороннего размещения атрибута (см. подробнее, например, [Тарланов 2007: 299—302]), т. е. не ранее XVII в.):

Тому вѣщей Боянь / и прѣвое припѣвку, смысленый, рече... (с. 46).

Сравнительные обороты (4 репрезентации), заполняющие звенья «синтаксической стопы» или сами выступающие в качестве отдельных колонов, формируют яркие образные ряды, восходящие, очевидно, к древней фольклорной традиции:

А поганого Кобяка изъ луку моря... / яко вихрь, выторже... (с. 37).

...по Руской земли прострошася половци, / акы пардуже гнѣздо (с. 39).

Не ваю ли храбрая дружина / рыкають, акы тури, / ранены саблями калеными / на полѣ незнаемъ?
(с. 41).

Поскольку метафорические и компаративные (включающие сравнение) контексты семантически и синтаксически нечленными, метафоризацию контекста можно отнести к средствам ритмизации текста, наряду с инверсией, повторами и структурным параллелизмом. В качестве целостных комплексов внутри «Слова» функционируют и формирующие категорию интертекстуальности «цитаты» из Бояновых текстов, а также многочисленные мелодически экспрессивные фрагменты с прямой речью персонажей и диалогические единства в обращениях автора «Игровой песни» к князьям и воинству:

И ркоша бояре князю: / «Уже, княже, туга умь полонила...» (с. 38).

...а тьи рекъ: / «Дружину твою, княже, / птицъ крылы приодѣ, / а звѣри кровь полизаша» (с. 44).

Жены руския въсплакашась, аркучи: / «Уже намъ своихъ милыхъ ладь / ни мыслию смыслити, / ни дуемою судмати, / ни очима съглядати, / а злата и сребра ни мало того потрепати» (с. 36).

Усобица княземъ на поганыя погыбе, / рекоста бо братъ брату: / «Се мое, а то мое же». / И начаша князи про малое / «се великое» мльвити, / а сами на себѣ крамолу ковати (с. 35).

А вьстона бо, братие, Киевъ туюго, / а Черниговъ напастыми (с. 36).

Проблема поэтического ритма СПИ

Вопрос о поэтическом либо прозаическом статусе «Слова» издавна волновал умы исследователей древнерусского шедевра. Еще А. Х. Востоков, задаваясь вопросом, «есть ли какой размер в слове о полку Игореве?» «или, как кажется, голая проза?» [Востоков 1817: 159], привел на этот счет целый ряд доводов: «...во-1-ых, неизвестно, для пенья ли сочинено сие, в подлиннике так называемое слово; или только для чтения, так как летописи и др. тех времен письменные памятники, от которых отличается оно только своею витиеватостью? Естьлиже для пенья оно сочинено, то в стихах или прозе? ... ибо и прозу можно петь. Так как мы поем наши Славянские псалмы и другие церковные стихи, никакого определенного размеру не имеющие. Наконец, почему мы можем знать, что в слове о полку Игореве не было какого-нибудь размера, который ежели бы и сохранился до нас через столько веков в настоящем своем виде (что уже весьма сомнительно) под пером бестолковых переписчиков: то мы при всем том не только судить об нем, ни даже приметить его теперь не могли бы. За его древностью; ибо чрез 600 лет верно сколько-нибудь переменилась и прозодия языка Русского? И потому слово о полку Игореве не может иметь никакого отношения к позднему Русскому стихотворству и размеру...» [Там же: 159—160]. Востоков предложил, очевидно, первым, разбить текст «Слова» на отдельные «стихи», подобные библейским: «Может быть, таким образом яснее окажется, был ли в ней какой-нибудь размер. — Признаюсь, что я испытывал сию операцию над всей поэмой, и она у меня разделилась, без всякой принужденной растяжки и без всякой перестановки слов, на такие довольно ровные и мерные периоды или стихи» [Там же: 161].

Ф. Е. Корш, исследователь русского народного стихосложения, которое «относится к типу тоническому, т. е. ритмическое ударение в нем совпадает с прозаическим или, во всяком случае, связано с ним органически» [Корш 1896: 1], писал о подобных былинным «стихах», выделенных им в СПИ [Там же: 490—491].

П. П. Вяземский одним из первых обратил внимание на звукопись в «Игоревой песне», являющуюся характерной чертой прежде всего лиропоэтического жанра: «Необходимо также обратить внимание на значительные следы аллитерации в Русской поэме XII столетия» [Вяземский 1877: 29].

Е. В. Барсов указывал, что «Слово» «соткано на основе Боянова песнотворчества; песнь по былинам отражает в себе форму старой исторической песни на героической основе» [Барсов 1887: XVII], и автор «Игоревой песни», приводя зачины (запевы) и припевки (рефрены) из Бояна, подражал размеру древних песен, которые имели характер «не книжных произведений, а живой народной песни: оно было творчество струнное» [Там же: 303]. Эта древняя южнорусская поэзия, представителем которой, по всей видимости, был «вещий» Боян, стояла, по образному выражению Ватрослава Ягича, «на распутьи эпоса и лирики, как и теперь еще малорусские думы» [Ягич 1878: 144]; ср. [Житецкий 1877: 642—660]²⁰.

Современные исследователи памятника также находят в ритмике и построении «Слова» черты текста, написанного стихами и строфами. Так, В. В. Колесов, исследовав акцентную

²⁰ В этой рецензии на издание СПИ О. Огановским изложены собственные разыскания П. И. Житецкого в области синтаксиса, ритмики «Слова о полку Игореве», также его связи с украинскими народными думами.

и ритмическую природу «Слова», приходит к выводу о том, что памятник написан «тоническим» типом стихосложения в сочетании с древнейшим ритмическим стихом «припевом» из Бояна [Колесов 1983: 23]. В. И. Стеллецкий выделяет в «Слове» «ритмико-синтаксические единицы», объединяющиеся в 45 разных по объему «строф» (или «тирад»), согласно древней традиции дружинной поэзии, и 5 композиционных частей (вместе с зачином и концовкой), часть из которых исследователь и переводчик «Игровой песни» относит к ритмической прозе (170 строк), часть — к стихам (260 строк) [Стеллецкий 1985: 189—208].

Однако шедевр неизвестного автора создавался в ту отдаленную от нас эпоху, когда оппозиции «стихи — проза» не было, хотя уже существовали и применялись в книжном и народном поэтическом творчестве ритм и рифма в качестве средств выражения художественного замысла и мнемонических приемов (привычная для современного читателя и исследователя дихотомия «стих — проза» появилась только в XVII в. в связи с укреплением жанра «виршей»; до этой поры в сознании древнерусского человека жили другие противоположности: «текст поющийся» — «текст произносимый» и «книжная словесность — народная словесность» [Гаспаров М. 1985: 264]). «Поэтому, — заключает М. Л. Гаспаров, — неправомерно навязывать древнерусской литературе современную систему классификации словесности, в которой различаются “стихи” и “проза”. Неправомерно, например, ставить вопрос, стихами или прозой написано “Слово о полку Игоре”»: можно только констатировать (с сомнением!), что “Слово” написано “не для пения”...» [Там же: 264]. И все же, на наш взгляд, не случайно большинство переводов древнерусского шедевра являются не прозаическими, а поэтическими переложениями. Исследователи и переводчики «Игровой песни» видят в ней сочетание напевной и риторической интонаций: «Первая часто бывает приглушена последнею и обратно: риторическая интонация «Слова» — иная, не современная, она создается на основе и как бы в рамках напевности» [Стеллецкий 1950: 412]. Ритм как «единственный вид симметрии, воспринимаемый слухом» [Портер 2003: 13], формирующийся в «Слове» сложным чередованием, но со вполне определенной последовательностью «либо предельно сжатых, либо, наоборот, растянутых во времени» [Колесов 1983: 20] строк-рядов, и симметричная композиция, являющаяся «более устойчивой чертой поэзии, нежели метрико-ритмическая регулярность или строфика» [Эткинд 1999: 259], наряду с эвфонической организацией, разумеется, играют особую роль в создании памятника, предназначенного для устного исполнения, возможно, двумя певцами²¹, и пения по памяти. Особенности ритмо-синтаксической организации СПИ позволяют прийти к заключению о близости памятника не только традициям эпических «сказаний» или ораторской прозы, но и жанру лирической народной поэзии, о контаминации в структуре «Слова» черт исторической песни-славы и песни-хулы, былинного эпоса²², обрядового плача-причитания и необрядовой фольклорной лирической песни, заклинания и молитвы.

Синтаксис поэтического переложения «Слова о полку Игоре», созданного В. А. Жуковским

В. А. Жуковский, основатель «школы гармонической точности» (по меткому выражению Пушкина), относится к числу поэтов, глубоко осознавших связь с национальными корнями, национальной почвой, ценивших и знавших русскую историю, народную поэзию, древнюю словесность. К 1817 году — времени начала работы В. А. Жуковского над переложением

²¹ Гипотеза о диалогическом исполнении «Слова» изложена в работах [Кулаковский 1977; Лихачев 1986: 9—28].

²² С жанром былины в синтаксическом отношении «Слово» сближает преобладание сложных предложений, распространенность контекстов с прямой речью, активность повторов и, напротив, отличает от былины большой удельный вес односоставных предложений, однородных рядов (об этих особенностях синтаксиса былины см. [Тарланов 2008: 222, 276—277]).

«Слова о полку Игореве» — уже существовала стойкая традиция стихотворного переложения древнерусского шедевра: с 1803 по 1816 г. было напечатано около 30 полных поэтических переводов «Игоревой песни». Активный интерес к «Слову» был обусловлен не только сентименталистскими и романтическими веяниями в художественной литературе (интересом к самобытной славянской культуре и отечественной истории, стремлением к созданию синтетических жанров — лиро-эпических или лиро-драматических), но и патриотическим подъемом, охватившим умы русских людей в эпоху наполеоновского нашествия.

Замысел перевода «Слова» вырос прежде всего из исторических штудий Жуковского, предпринятых им поначалу в процессе работы над поэмой «Владимир». Кроме того, обращение поэта к изучению древнерусской истории, очевидно, в немалой степени было вызвано и тесным творческим и дружеским общением с Н. М. Карамзиным²³, называвшим «Игореву песнь» «особенной исторической повестью, украшенной цветами воображения и языком стихотворства» [Карамзин 1991: 392], и А. И. Тургеневым, подарившим Жуковскому экземпляр первого московского издания «Ироической песни о походе на половцов удельного князя Новагорода-Северского Игоря Святославича...» (1800 г.), — членами «Дружеского литературного общества», в атмосфере которого «Слово о полку Игореве» воспринималось как высочайший образец истинно национальной древней русской поэзии (подробнее см. [Лихачев 1957: 66—89; Канунова 1984: 400—465]). Жуковский, близко знавший готовивших первое издание памятника Н. Н. Бантыша-Каменского и А. Ф. Малиновского, а также А. И. Мусина-Пушкина, возможно, был знаком с текстом древнего памятника еще и до появления его в печати (см. об этом предположении в работе [Тищенко 1984: 98—105]). В начале 1810-х гг. Жуковский издал труды по русской истории (Карамзина, а также труды дерптских профессоров Шлецера и Эверса в библиотеке Дерптского университета в 1810 г.), некоторые фольклорные источники, делает выписки из древнерусских памятников, в том числе из «Песни Игорю» на языке оригинала. Особый интерес к «Игоревой песне» объясняется и некоторыми обстоятельствами личной биографии «Певца во стане русских воинов»: захваченный общим патриотическим порывом, в составе Московского ополчения поручиком-добровольцем первого пехотного полка он участвовал в Бородинском сражении.

Прежде чем начать переложение древнерусского шедевра, Жуковский должен был найти метр и мелодику нового текста. По этому поводу Р. В. Иезуитова высказывает предположение о том, что отказ поэта «перевести знаменитую древнюю поэму любым из размеров современного ему русского стиха был связан с глубоким недовольством поэта теми переводами, которые появились в русской поэзии того времени... Жуковский попытался найти, уловить внутренний ритм древнего памятника — вот почему и в черновом автографе и прямо в тексте книги на ее первых страницах он набрасывает примерную схему размера» [Иезуитова 1989: 131—132].

Если сопоставить синтаксическую организацию оригинала с переложением В. А. Жуковского (см. таблицу 1), то окажется, что отступлений от исходного типа конструкции около 70, что составляет немногим более трети предложений, однако, если исключить из этого числа ситуации вполне закономерных разногласий в постановке знаков препинания²⁴ и прежде всего пунктуационные варианты, обозначающие разнящиеся в первом и последующих изданиях «Слова» границы простых и бессоюзных сложных предложений, синтаксических

²³ О работе Н. М. Карамзина над помещенным им в третий том «Истории государства Российского» прозаическим переводом «Слова о полку Игореве» см. подробно [Дмитриев 1962: 38—49].

²⁴ Б. М. Гаспаров по этому поводу отмечает: «Во многих случаях соотношение синтаксических компонентов в “Слове” носит размытый и амбивалентный характер, вполне соответствующий специфике как устного исполнения текста, так и передачи синтаксических отношений на письме в древнерусскую эпоху. Любой однозначный выбор, утверждающий постановкой того или иного знака препинания, оказывается в этих условиях искажением, поскольку он уничтожает амбивалентность и возможность симультанной интерпретации, присущие первоначальному тексту» [Гаспаров Б. 2000: 455—456], предлагая свою редакцию текста «Слова» с использованием знаков более (/) и менее (/) длительных пауз на границах синтагм вместо современной пунктуации [Там же: 479—513].

изменений уже окажется почти в два раза меньше. Очень показательным представляется то обстоятельство, что текст переложения по количеству предложений совпадает с оригиналом (см. таблицу 2): Жуковский несколько повышает, в сравнении с переводимым памятником, число двусоставных конструкций, а также увеличивает долю безличных структур, стремясь, видимо, тем самым усилить модально-оценочное начало в «Игровой песне». Выбрав очень близкий оригиналу неклассический свободный стих и ритм, но все же тяготея к большей, чем это наблюдается в оригинале, упорядоченности в числе и размещении ударных и безударных слогов, в длине строк и количестве слогов, Жуковский существенно уменьшает долю неполных двусоставных (например, *рече* (с. 28, 38) → *он рек* (с. 116, 123), *рече* (с. 50) → *при-молвил он* (с. 131)) и определенно-личных односоставных предложений. В области сложных конструкций Жуковский чуть сокращает количество сложноподчиненных структур, увеличивает лишь на 2 конструкции число сложносочиненных и многокомпонентных предложений и, напротив, незначительно уменьшает долю бессоюзия (на 5 конструкций).

Первая группа грамматических изменений оригинала обусловлена естественными историческими причинами — динамикой самой синтаксической системы русского языка за почти тысячелетний период. Так, Жуковский заменяет определенно-личные конструкции двусоставными полными, вводя позицию личного местоимения 1-го или 2-го лица, бывшую избыточной с точки зрения древнерусской морфологической системы (*Рано вы стали мечами разить Половецкую землю... Не с честию вы победили... То ль сотворили вы моей серебряной седине!* (с. 124—125); ср.: *Рано еста начала Половецкую землю мечи цѣлти... Нь нечестно одолѣсте... Се ли створисте моей сребреней сѣдинѣ?* (с. 39—40); *Не по жеребь ли победы власть себе вы похитили?* (с. 127); ср.: *Не побѣдными жребии собѣ власти расхытисте!* (с. 43) и т. п.), или двусоставными эллиптическими предложениями с нулевым глаголом бытия, в силу исчезновения полной парадигмы у связки *быть* в настоящем времени (*О Русская земля! Уж ты за горами Далеко!* (с. 118); ср.: *О Руская земле! уже за шеломянемъ еси!* (с. 31)). Кроме того, безличные предложения с глагольной связкой *было* заменяются в переложении инфинитивными с частицей *бы*: *Тебе бы песнь гласить Игорю...* (с. 116); ср. в «Слове»: *Пѣти было пѣснь Игореву...* (с. 28). Также Жуковский заменяет утративший соединительное значение союза *а* на перечислительный *и*: *«Дружину твою, князь Изяслав, Крылья птиц приодели, И звери кровь полизали!»* (с. 127); ср.: *«Дружину твою, княже, птицъ крылы приодѣ, а звѣри кровь полизаша»* (с. 44).

Сложноподчиненное предложение замещается сочиненным рядом или бессоюзным предложением, сочетанием двух отдельных предложений или простым предложением, осложненным обособленным оборотом, что не только подчеркивает паратаксичность как историческую черту древнего грамматического строя, но и характеризует переводчика — отличного знатока языковых древностей: *Будь ты с нами, и была бы дева по ногате, А отрок по резане* (с. 125); ср.: *Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощей по резанѣ* (с. 41); *Начнем же, братья, повесть сию От старого Владимира до нынешнего Игоря. Натянул он ум свой крепостью...* (с. 116); ср.: *Почнемъ же, братие, повѣсть сию отъ стараго Владимира до нынѣшняго Игоря, иже истягну умъ крѣпостию...* (с. 27); *Греки и моравы Славу поют Святославу, Кают Игоря-князя, Погрузившего силу на дне Каялы...* (с. 123); ср.: *...ту греци и морава поють славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жирь во днѣ Каялы...* (с. 37); *Сокол ученый Птиц высоко взбивает...* (с. 125); ср.: *Коли соколь въ мытѣхъ бываетъ, высоко птицъ взбиваетъ...* (с. 40). Иногда подобные замены помогают Жуковскому избежать стилистически сниженных союзов и, напротив, внести в историческую песнь «украшающие» его причастные конструкции.

Иные замены, осуществленные Жуковским, объясняются причинами прежде всего стилистического и версификационного характера. Иногда, например, простые предложения «Слова» сливаются под пером Жуковского в единый усложненный комплекс, однородные ряды сказуемых заменяются полипредикативной единицей, что усиливает поэтическую плавность и симметричность построения речи, напевность мелодики, попутно изменяя тип управления и порядок слов во фразах:

Тогда Игорь воззрел на светлое солнце, / Увидел он воинов своих, тьмой от него прикрытых, / И рек
Игорь дружине своей... (с. 116).

Ср.: Тогда Игорь възрѣ / на свѣтлое солнце / и видѣ отъ него тьмоу / вся своя воя прикрыты. / И рече
Игорь / къ дружинѣ своей... (с. 27).

Тот Олег мечом крамолу ковал, / И стрелы он по земле сеял (с. 120).

Ср.: Тѣй бо Олегѣ мечемъ крамолу коваше / и стрѣлы по земли сѣяше (с. 33).

Шеломы у вас латинские, под ними железные панцири! (с. 126).

Ср.: Суть бо у ваю желѣзныи паробци / подѣ шеломы латиньскими (с. 42).

Дон тебя, князя, кличет, / Дон зовет князей на победу! (с. 127).

Ср.: Донѣ ти, княже, кличеть / и зоветь князи на побѣду (с. 43).

Жуковский в некоторых контекстах заменяет двусоставные предложения односоставными безличными в стремлении подчеркнуть релевантный для романтического мышления мотив судьбы (*Черна земля под копытами Костьми была посеяна, Полита была кровию, И по Русской земле взошло бедой* (с. 121); ср.: *Чръна земля подѣ копыты костьми была посѣяна, а кровию поляна: туюго въздоша по Руской земли* (с. 34)) или интимизировать контекст, приблизив образ автора к внешнему адресату-читателю (*Вам памятно, как пели о бранях первых времен...* (с. 115); ср.: *Помняшетъ бо, рече, пѣрвыхъ времянь усобицѣ* (с. 26)).

Инфинитивное предложение со значением невозможности, предопределенности в «припевке» из Бояна замещается обобщенно-личным, широко распространенным в русских пословицах, вариантом: *«Будь хитер, будь смышлен, Будь по птице горазд, Но божьего суда не минуешь!»* (с. 128); ср.: *«Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути»* (с. 46).

Ряд простых предложений с повторяющейся структурой Жуковский предпочитает иногда простому предложению, осложненному обособленным оборотом, в целях подчеркивания тех самых «эхо-повторов», которые составляют характерную черту древнего памятника:

Мало ль подоблачных гор гор твоему веяню? / Мало ль кораблей на синем море твоему лелеяню? (с. 129).

Ср.: Мало ли ти бяшетъ горѣ подѣ облакы вѣяти, / лелѣючи корабли на синѣ морѣ? (с. 47).

Однако, если сопоставить количество вербоидных оборотов, встречающихся в «Слове» (39 репрезентаций) и переложении Жуковского (49 примеров), окажется, что при создании ритма свободного стиха потребность в наполнении строки обособленными синтагмами возникла у переводчика чаще, причем деепричастные обороты (32 примера) употребляются Жуковским в переложении в два раза активнее, чем причастные (17 примеров). Деепричастные синтагмы последовательно используются переводчиком как аналоги оборотов с краткими действительными причастиями из «Слова». Приведем случаи дополнительного к оригиналу введения Жуковским в текст переложения причастных и деепричастных конструкций в качестве синонимических замен частей сложных предложений или однородных рядов:

Чей сокол долетел — того и песнь прежде пелась: / Старому ли Ярославу, храброму ли Мстиславу, / Сразившему Редедю перед полками касожскими... (с. 115).

Ср.: ...та преди пѣснь пояше — / старому Ярославу, / храброму Мстиславу, / иже зарѣза Редедю предѣ пѣлкы касожьскими... (с. 26).

И встала обида в силах Дажьбожиих внуков, / Девой вступя на Троянову землю... (с. 121).

Ср.: Вѣстала обида въ силахъ Дажьбожа внука, / вступила дѣвою на землю Трояню... (с. 35).

Кают Игоря-князя, / Погрузившего силу на дне Каялы... (с. 123).

Ср.: ...кають князя Игоря, / иже погрузи жиръ во днѣ Каялы... (с. 37).

И половцы, копыя свои повергнув, / Главы подклонили... (с. 126).

Ср.: ...и половци сулицы своя повръгоша, / а главы своя подклониша... (с. 42).

Ты, лелея, нес суда Святославы... (с. 129).

Ср.: Ты лелѣяль еси на себѣ Святослави носады... (с. 48).

Чаще, чем автор «Слова», Жуковский прибегает к использованию обособленных приложений (30 репрезентаций, а в оригинале «Слова» — 22): в эпоху сентиментализма и романтизма процесс развития субстантивных оборотов протекал очень интенсивно, что было обусловлено не только продолжающимся углублением иерархии гипотаксических связей в строе русского предложения, но и калькированием номинативных оборотов французского языка, а также расширяющимся распространением метафорических перифраз в художественной речи карамзинской и пушкинской поры. Именно эта общепозитическая тенденция, очевидно, не могла не оказать влияния на Жуковского как виднейшего представителя «школы гармонической точности». Приложения помогают Жуковскому не только заполнить пространство строки для поддержания симметрии ударений и построения фраз в соседних стихах, но и уточнить грамматическую структуру оригинальной конструкции²⁵:

Едва уснул его мощный отец их, / Святослав грозный, великий князь киевский (с. 122).

Ср.: ...ту бяше уснулъ отецъ ихъ — / Святъславъ грозный великий киевскый... (с. 36).

Дон тебя, князя, кличет, / Дон зовет князей на победу! (с. 127).

Ср.: Донъ ти, княже, кличеть / и зоветь князи на побѣду (с. 43).

Жуковский дважды использует в переложении адъективные обороты в качестве выразительных эпитетов, отступив от оригинала, написанного в ту эпоху языкового развития, когда прилагательные, в отличие от причастий, не обладали широкими возможностями присоединения зависимых слов для образования адъективных групп, к тому же при не сформировавшихся еще более строгих нормах расположения атрибутов в предложении:

Прошли времена, благоденствием обильные... (с. 122).

Ср.: ...упуди жирня времена (с. 35).

Бросил Всеслав жребий о девице, ему милой (с. 128).

Ср.: ...врже Всеславъ жребий о дѣвицу себѣ любу (с. 45).

В переложении Жуковского немногим более широко, чем в «Слове», представлены сравнительные обороты (с союзами *словно, словно как, как* на месте древних *яко и акы*):

Кричат в полночь телеги, словно распушенные лебеди... (с. 118).

И стали князья говорить про малое, как про великое... (с. 122).

Не ваша ль храбрая дружина рыкает, / Словно как туры, калеными саблями ранены, в поле незнаемом? (с. 126).

На что ж, как ковыль-траву, ты развеял мое веселие?.. (с. 129).

Синтаксические различия в оригинале и переложении объясняются в ряде случаев присутствием «темных мест» в древнерусском памятнике, потребовавших последующей конъектурной правки первого издания. Так, во фразе, описывающей «мутень сонь», *Всю ночь съ вечера бусови врани възгряху у Плъсьнска, на болони бѣша дѣбрь Кияня и не сошлю къ синему морю* (с. 38) в издании 1800 г. читаем: *Кисаню* вместо *Кияня* и *не сошлю* вместо *несоша* [Слово: Екатерининская копия 2003: 183—184]. Пользовавшийся именно этим изданием В. А. Жуковский по-своему истолковал это «темное место», изменив одновременно и синтаксическую структуру отрывка: *И с вечера целую ночь граяли враны злоеющие, Слетевшись на выгон в дѣбри Кисановой... Уж не послать ли мне к синему морю?..* (с. 123). Также и в некоторых других случаях обособленные обороты появляются в переложении там, где возникает гипотетический контекст, непонятный для Жуковского из-за неверного

²⁵ По этому поводу В. И. Борковский отмечал: «Когда личное местоимение вошло в состав предложения и определенно-личное предложение превратилось в личное двусоставное предложение, была утрачена возможность подчеркнуть действующее лицо только путем постановки личного местоимения. Язык развил другие средства, которые позволяют выделить в речи 1- или 2-е лицо. Все шире начинают употребляться приложения, при этом и развернутого типа (особенно в художественных произведениях)...» [Историческая грамматика 1979: 216].

графического разделения строк древнерусского памятника на слова и словосочетания или неточного толкования смысла фраз первыми издателями и комментаторами «Слова»: *Стяги его стали ныне Рюриковы, / Другие — Давыдовы, / Нося на рогах их, воли ныне землю паиут...* (с. 129); ср.: *...бо нынѣ стаиа стязи Рюриковы, / а дружиш — Давыдовы, / нъ розно ся имѣ хоботы паиуть* (с. 46), где *хоботы* — развевающиеся полотнища стягов²⁶. *К утру ж, вонзивиши трикузы, раздвигнул врата Новугороду...* (с. 128); ср.: *...с три кусы отвори врата Новуграду...* (с. 45), где *кусы* — уколы копьем²⁷. *Он, подпершись клюками, сел на коня...* (с. 128); ср.: *Тѣй клюками подпрѣ ся о кони...* (с. 45), где *клюки* следует понимать как «хитрости». *Пел Боян, песнотворецъ старого времени, / Пел он походы на Святослава, / Правнука Ярославова, сына Ольгова, супруга дщери Когановой* (с. 132); ср.: *Рекъ Боянъ и Ходына, / Святъслава пѣснотворца / стараго времени Ярослава, / Ольгова коганя хоти...* (с. 51) — в первом издании вместо *Ходына* значитесь раздельнооформленное сочетание *ходы на* [Слово: Екатеринбургская копия 2003: 204], а форма двойственного числа (*хоти*) существительного была истолкована как генитив единственного числа.

Огромная заслуга В. А. Жуковского, как показал сопоставительный синтаксический анализ, заключается в бережном сохранении каждого слова, каждого поэтического образа, в лингвистически точной и исторически достоверной передаче особенного ритмико-интонационного и грамматического строя оригинала, в стремлении сохранить самый дух памятника и все его художественные красоты в первоизданном, почти нетронутым виде, что резко выделяет это переложение на фоне предшествующих вольных интерпретаций. Поэт закончил работу над переводом «Слова» в 1819 г., но так и не отдал свое детище в печать (в 1833 г. Жуковский подарит писарскую копию своего творения А. С. Пушкину, и только в 1882 г. исследователь «Слова» Е. В. Барсов осуществит издание переложения, приписав, правда, этот труд самому Пушкину). Основатель «школы гармонической точности», используя свободный стих, лишенный рифмы, метра, равносложности и равноударности, действительно своим ритмическим чутьем и прозорливостью намного опередил свое время, и не только по той причине, что в эпоху Серебряного века русские поэты перенесли на русскую почву верлибр (сам этот термин введен в конце XIX в. французским поэтом Гюставом Каном) как альтернативу каноническому стиху, но и потому, что одним из первых русских поэтов ввел в художественную литературу тот стих, который издавна использовался в народной поэзии. Как отмечает А. П. Квятковский, «наша народная поэзия полна многообразных форм метрического и дисметрического верлибра. Древняя поэма наша “Слово о полку Игореве” — шедевр народной полиритмии, в ней гармонично совмещаются метрические и дисметрические формы народного стиха... свободный стих, или — что то же — верлибр, — это исконная форма народной и древней русской поэзии...» [Квятковский 2008: 574—575]²⁸.

Синтаксис поэтического перевода СПИ, созданного Н. А. Заболоцким

Н. А. Заболоцкий начал работу над переложением «Слова» в 1938 г., когда отмечалось 750-летие древнерусского памятника, а завершил свой труд только в 1950 г. Особые чувства Заболоцкого к «Слову» были вызваны обстоятельствами трудной судьбы поэта, работавшего над ним в тяжелейшие годы вынужденной разлуки с близкими и друзьями. В пору народных сражений и испытаний Великой Отечественной войны, с ее величайшим героизмом и огромными потерями, смысл древнерусского памятника по-новому раскрылся поэту. Работа над переводом «Слова» стала для Заболоцкого духовным спасением, преодолением отчаяния, источником веры и надежды на лучшее будущее, о чем говорят сохранившиеся

²⁶ В первом издании: *нъ рози нося имѣ хоботы паиуть* [Слово: Екатеринбургская копия 2003: 197].

²⁷ В первом издании *трикусы* [Там же: 195].

²⁸ О свободном стихе см. подробнее, например, [Федотов 2002: 303—312; Москвин 2009: 269—281].

строки писем поэта к друзьям: «Сейчас, когда я вошел в дух памятника, я преисполнен величайшего благоговения, удивления и благодарности судьбе за то, что из глубины веков донесла она до нас это чудо. В пустыне веков, где камня на камне не осталось после войны, пожаров и лютого истребления, стоит этот одинокий, ни на что не похожий собор нашей древней славы. Страшно, жутко подходить к нему. Невольно хочется глазу найти в нем знакомые пропорции, золотые сечения наших привычных мировых памятников. Напрасен труд! Нет в нем этих сечений, все в нем полно особой нежной дикости, иной, не нашей мерой измерил его художник» [Заболоцкий 1969: 166—167].

Состоявший долгие годы в переписке с Заболоцким Н. Степанов отмечал, что «Николай Алексеевич мечтал о таком переводе, который, сохраняя свою точность и научную доброкачественность, донес бы до современного читателя все великолепие и поэтическую красоту подлинника... Во всех его многочисленных разговорах о “Слове” основным мотивом являлось утверждение, что “Слово” — памятник поэтический, стиховой, и для современного читателя должен быть передан рифмованным стихом» [Работа Н. Заболоцкого 1969: 165—166]. «Надо было решить основной вопрос: стихи это или не стихи? Для XII века это было тем, что для нас является стихами. Это несомненно. Как бы художественно ни обрабатывался подстрочник, какова бы ни была частная удача... — все же его перевод не звучит для нас стихами... Поэтому я не колеблясь встал на точку зрения целесообразности тонического перевода, а встав на этот путь, без колебания принял и рифму...» [Там же: 167—168], — признавался сам поэт, отдавая при этом себе отчет в том, что «в древности картина стихосложения была другая, — там ритм определялся музыкой: при пении получалось одно, при чтении же совсем другое» [Заболоцкий 1969: 185]. Для своего переложения Н. А. Заболоцкий выбирает пятистопный хорей — размер, ранее использованный для завершения в 1869 г. перевода «Слова» А. Н. Майковым²⁹.

По свидетельству близких Заболоцкого, поэт неоднократно перечитывал произведения Жуковского (см. [Воспоминания 1984: 173]), бывшего одним из любимейших его писателей, поэтому можно также говорить о творческом влиянии на Заболоцкого и создателя «школы гармонической точности», несмотря на очевидные ритмо-метрические и иные различия двух переложений.

Прежде всего, переложения различаются в зачине и концовке, в чем проявляется разность трактовки начала и финала «Игорева песни», получившая свое отражение в предшествующей и современной переводу Заболоцкого издательской и литературно-исследовательской традициях и дискуссиях о «Слове». Так, А. С. Пушкин, работая над оставшейся незавершенной и сохранившейся в черновых записях статьей о «Слове», настаивал на том, что в самом начале «Игорева песни» «поэт говорит утвердительно», и здесь «ирония пробивается сквозь пышную хвалу» Бояну (цит. по [Цявловский 1962: 226, 235]). По этому поводу в одном из писем Заболоцкому Д. С. Лихачев замечал: «... Пушкин писал, что автор “Слова” отказывается следовать высокопарной манере Бояна и считает ее устарелой. Соответственно

²⁹ Перевод Майкова из всех прежних переложений «Слова» Заболоцкий «особенно высоко ценил» [Работа Н. Заболоцкого 1969: 166] как аналог эпического народного стиха: выбирая стихотворный метр для перевода древнерусского памятника, Майков ознакомился с трудами И. И. Срезневского, и прежде всего, очевидно, поэту была известна статья известного историка языка «Несколько замечаний об эпическом размере славянских народных песен», в которой Срезневским выдвинута гипотеза об общеславянском происхождении хорейского размера. По мнению К. Тарановского, 5-стопный хорей своеобразным ритмическим рисунком «служит для передачи динамической темы пути» [Тарановский 2000: 384], поскольку синэстетически связан с «ритмом человеческого шага» [Там же: 401], а резкая асимметричность 5-стопного стиха «соответствует душевному разладу в переживаниях, подчеркивает отсутствие внутренней гармонии» [Там же: 402] (см. также о выражении эмоций «регрессивной ценностной зоны» хореем как нисходящим размером в работе [Винарская 1989: 58—60]). Поскольку «Слово о полку Игорева» «буквально пронизано движением» [Филипповский 1986: 58] во времени и в пространстве, выбранный Майковым, а затем и Заболоцким размер точно соответствовал художественному замыслу создателя исторической песни.

он переводил и первую фразу «Слова». Он считал, что частица «ли» употреблена в этой первой фразе в утвердительном смысле. Я думаю, что Пушкин безусловно прав. Он поэтически почувствовал то, чего не почувствовали все ученые педанты до и после него» [Работа Н. Заболоцкого 1969: 171]. Кстати, именно повествовательно-восклицательной, а не вопросительной является первая фраза в издании памятника 1800 г. (см. [Ироическая песнь 1800: 1; Слово: Екатерининская копия 2003: 161]) и в переложении Жуковского, опиравшегося на версию первых издателей памятника:

Не прилично ли будет нам, братья, / Начать древним складом / Печальную повесть о битвах
Игоря, / Игоря Святославича! (с. 115).

Между тем Заболоцкий, споря с данной трактовкой начала «Игоровой песни», писал Д. С. Лихачеву: «Начинать свою песнь с поношения своего прославленного и давно умершего предка-певца — не в духе и не в стиле эпохи» [Работа Н. Заболоцкого 1969: 174], а в статье, посвященной ритмической структуре «Слова» уточнял: «Конечно, это отношение ученика, не лишённого известной неуверенности в собственных творческих силах» [Заболоцкий 1969: 177—178]. Поэтому Заболоцкий интерпретирует первую фразу «Игоровой песни» как вопросительное обращение к снискавшим славу и уважение поэтическим традициям прошлого за советом в поисках собственной манеры изложения:

Не пора ль нам, братья, начать / О походе Игоровом слово, / Чтоб старинной речью рассказать /
Про деянья князя удалого? (с. 134).

Столь же различны и трактовки финала в двух переложениях. Если Жуковский, в соответствии с авторитетной для него версией первых издателей «Слова» (см. [Ироическая песнь 1800: 46; Слово: Екатерининская копия 2003: 206]), понимает последний используемый создателем исторической песни союз как сопоставительный и включает слово *аминь* в состав сложносочиненного предложения (*Слава князьям, а дружине аминь!* (с. 133)), считая, что финал вбирает в себя не только прославление князей, но и мотив скорби о погибшей в боях с половцами дружине, то Заболоцкий настаивает на более оптимистической интерпретации заключительной формульной фразы и на прочтении союза *а* в качестве соединительного, свойственного древнерусской речи: *Слава князьям и дружине слава!* (с. 161).

Синтаксис переложения, выполненного Заболоцким, гораздо более сложен, чем синтаксическая архитектура «Слова» и перевода Жуковского, и не отражает стремления автора к сохранению архаических черт грамматической организации в переводе: Заболоцкий употребляет на 20 сложных предложений больше (см. таблицу 2), чем автор оригинала и его переводчик эпохи «золотого века» русской литературы, при этом в два раза превышает долю сложноподчиненных конструкций и, за счет незначительного сокращения примеров бессоюзия, несколько усиливает роль сочинительных связей в тексте. В дополнение к присутствующим в оригинале условным, уступительным, атрибутивным и пространственным отношениям между главной и придаточной частями Заболоцкий использует сложноподчиненные предложения со значением цели, времени, сравнения, изъяснения, местоименно-соотносительные:

И не зная, что сулит судьбина, / Князь промолвил: «Братья и дружина!.. (с. 137).

И бежит молва про удалого, / Будто он, на Русь накликав зло, / Из седла, несчастный, золотого /
Пересел в кощеево седло... (с. 146).

Шли они на полчища врагов. / Чтоб отмстить за наши пепелища (с. 149).

Старый сокол, хоть и слаб он с виду, / Высоко заставит птиц лететь... (с. 149).

Вы из древней выскочили славы, / Коль решили честью пренебречь (с. 153).

Лишь заря займется на поутру, / Ярославна, полная печали, / Как кукушка, кличет на юру... (с. 156).

Кличет Див, как половец в дозоре... (с. 138).

Слава всем, кто, не жаля сил, / За христиан полки поганых бил! (с. 161).

Только 30 % бессоюзных конструкций выражают в творении Заболоцкого перечислительные отношения, остальные поэт насыщает разнообразными следственными, изъяснительными, объяснительными, причинными, распространительно-атрибутивными смыслами:

Стяги плещут: половцы идут! (с. 140).

А куряне славные — / Витязи исправные: / Родились под трубами, / Росли под шеломами... (с. 136).

Но, взглянув на солнце в этот день, / Подивился Игорь на светило: / Середь бела дня ночная тень / Ополченья русские прикрыла (с. 137).

Спит гнездо бесстрашное Олега — / Далеко продвинулось оно! (с. 139).

Да князья помочь мне не хотят, / Мало толку в силе молодецкой... / И Владимир в ранах, чуть живой, — / Горе князю в сече боевой! (с. 149).

Не ко благу дерево листья уронило: / Поганое войско грады поделило (с. 152).

Мрак стоит над Русскою землей: / Горько ей без Игоря одной (с. 160).

В среднем в каждое третье многокомпонентное сложное предложение, то есть в два раза чаще, чем создатель «Слова» и Жуковский, Заболоцкий вводит гипотаксические связи, иногда прибегая к использованию периода:

О Боян, старинный соловей! / Приступая к вещему напеву, / Если б ты о битвах наших дней / Пел, скача по мысленному древу; / Если б ты, взлетев под облака, / Нашу славу с дедовскою славой / Сочетал на долгие века, / Чтob прославить сына Святослава; / Если б ты Трояновой тропой / Средь полей помчался и курганов, — / Так бы ныне был воспет тобой / Игорь-князь, могучий внук Троянов... (с. 135).

... И едва / Смолк Овлур, как от ночного гула / Вздрогнула земля, / Зашумела трава, / Буйным ветром вежи всколыхнуло (с. 158).

И, когда дремал он под листовою, / Где царила сумрачная мгла, / Страж ему был гоголь над водою, / Чайка князя в небе стерегла (с. 159).

В сфере сложносочиненных предложений у Заболоцкого в отступление от оригинального текста существенно меньше доля сопоставительно-противопоставительных отношений и активнее группа соединительно-следственных и перечислительных значений, например:

А враги на Русь несутся тучей, / И повсюду бедствие и горе (с. 144).

Подобно Жуковскому, но еще более последовательно Заболоцкий сокращает число определенно-личных конструкций, заменяя их двусоставными с личными местоимениями-подлежащими, чуть усиливает роль инфинитивных и безличных конструкций (в том числе в составе сложных целых), а также риторически-вопросительных, восклицательных и отрицательных предложений для повышения эмоциональности звучания и степени диалогичности повествования:

Князь великий Всеволод! Доколе / Муки нам великие терпеть? / Не тебе ль на суздальском престоле / О престоле отчем порадеть? (с. 149).

Но уж прежней славы больше с нами нет... / По Суле, по Роси счету нет врагу (с. 152).

Старого Владимира уж нет (с. 155).

Вот где копыям русским преломиться. / Вот где саблям острым притупиться, / Загремев о вражеский шлем! (с. 140).

Нет конца их ликованью... (с. 148).

И с тех пор житья нам нет от лютой / Половецкой проклятой земли! (с. 153).

Чтob ворота Полю запереть, / Вашим стрелам время зазвенеть / За Русскую землю, / За Игоревы раны — / Удалого сына Святославича! (с. 152).

Заболоцкий в качестве единственного исключения использует в описательном контексте номинативное предложение бытийно-указательного значения, отступая в этом от исторически достоверного отражения грамматической структуры древнерусского текста³⁰:

Вот уж полночь (с. 158).

³⁰ Выполняющие обычно художественно-описательную функцию в современном русском литературном языке и потому стилистически маркированные бытийные номинативные предложения не были еще развившейся категорией в древнерусскую эпоху: именительным падежом, обычно в сочетании с частицами и междометиями, могли выражаться эмоционально-оценочные смыслы;

Ближе к оригиналу, чем Жуковский (см. таблицу 2), Заболоцкий оказывается в привлечении неполных (с отсутствующим подлежащим) и эллиптических (с нулевым сказуемым) двусоставных конструкций (например: *Вот где славы прадедовской гром!* (с. 149); *А не всем рекам такая слава* (с. 159)).

Гораздо более существенные отличия от «Слова» и его перевода, выполненного Жуковским, наблюдаются в сфере осложненного предложения: оставляя, как и Жуковский, неизменным число обращений в тексте, Заболоцкий заметно сокращает количество причастных оборотов (до 12 в сравнении с 39 в оригинале и 17 у Жуковского) и субстантивных синтагм — поясняющих перифразов (также до 12, в то время как в оригинале их более 20, а у Жуковского свыше 30), но зато резко увеличивает удельный вес деепричастных синтагм (75 репрезентаций, т. е. в два раза больше, чем у Жуковского, причем иногда с устаревшими формами: *Птиц бия* (с. 144), *Потряся искрометным рогом* (с. 144), *Все ручьи соседние пожрав* (с. 159), *Соколом ширяясь сквозь туман* (с. 151) и др.), подчеркивающих мотив движения во времени и в пространстве, динамизирующих повествование, и адъективных групп, выполняющих функцию выразительных эпитетов, в том числе с краткими формами прилагательных, которые обладают архаической окраской в современном русском языке и являются приметой традиционно-поэтического синтаксиса³¹ (13 примеров у Заболоцкого, в сравнении с 1 в оригинале и 2 у Жуковского):

...прославим Игоря, который, / *Напрягая разум, полный сил,* / Мужество избрал себе опорой... (с. 135).

Так седлай же борзых коней, брат! / *А мои, давно готовы к бою,* / Возле Курска под селом стоят (с. 136).

Свист зверей несется, *полон гнева...* (с. 138).

Выбрав в поле место для ночлега / И нуждаясь в отдыхе давно, / Спит гнездо бесстрашное Олега — / *Далеко подвинулось оно! / Залетело, храброе,* далече... (с. 139).

Сравнительные обороты также используются Заболоцким более активно (12 конструкций), чем в оригинале и в переводе Жуковского:

Тот Боян, исполнен дивных сил, / *Приступая к вещему напеву...* / *Как орел,* под облаком парил... (с. 134).

И, как барсы лютые, на нас / *Кинулись поганные с войною* (с. 147).

Сам всю ночь, *как зверь,* блуждал в тумане, / *Вечер* — в Киеве, до зорь — в Тмуторокани, / *Словно волк,* напав на верный путь, / *Мог он Хорсу бег пересягнуть* (с. 155).

В отличие от Жуковского, Заболоцкий вводит в текст переложения две вводные конструкции, представленные лексемами с народнопоэтической коннотацией и хорошо известные русскому языку если не древней, то уже старшей поры во вводном употреблении:

Знать, на кости русские скликают / *Зверя кровожадные орлы...* (с. 138).

У Софии в Полоцке, *бывало,* / *Позвонят к заутрене...* (с. 155).

многочисленной группой были только номинативные заголовки (предложенческий статус которых не всегда признается грамматистами, а происхождение связывается с двусоставными конструкциями: например, А. А. Потебня относил подобные заголовочные комплексы к неполным двусоставным предложениям [Потебня 1888: 79]). Приводимые А. М. Сабениной [Историческая грамматика 1979: 298—300] примеры из «Слова», включающие, наряду с номинативом, форму дательного падежа, очевидно, точнее было бы квалифицировать как двусоставные эллиптические предложения с пропуском сказуемого — глагола бытия, к которому (а не к подлежащему) по смыслу и функционально тяготеет косвенное дополнение (*Туга и тоска сыну Глѣбову!*) или формульные, с ослабленной членностью предложения, фразеологизированные приветствия и пожелания (*Княземъ слава а дружинѣ!*; *Слава Игорю Святъславличю...!*).

³¹ Об использовании подобного рода конструкций поэтами пушкинской поры см. подробнее [Патроева 2002: 78—92].

Вводные слова как носители разнообразных модальных смыслов — редкое явление в древнерусских памятниках, однако начало формированию категории субъективной модальности уже и в эту отдаленную эпоху было положено использованием форм изъявительного и повелительного наклонений глагола *рещи* (в СПИ встречается форма *рече*), которая с течением времени «перестает восприниматься в живой речи... становится показателем введения в текст чужой речи, т. е. своеобразным модальным словом» [Спринчак 1960: 215]. Например, в «Слове»:

Помняшьть бо, рече, / пьрвыхъ времянь усобищѣ (с. 26).
...крычатъ тѣлѣгы полунощы, / рци, лебеди роспушени (с. 30).

Стилистической и синтаксической новацией Заболоцкого-переводчика «Слова о полку Игореве» являются также примеры сегментированной и парцеллированной речи, примененные поэтом XX в. с целью акцентуации особенно важных в смысловом отношении отрезков высказывания и оптимизации читательского восприятия песни:

*Игорь-князь и Всеволод отважный — / Святослава храбрые сыны — / Вот ведь кто с дружиною
бесстрашной / Разбудил поганых для войны!* (с. 145).
*И тебе ли, тур, скорбеть о ранах, / Если жизнь не ценишь ты свою! / Если ты на ратном этом
поле / Позабыл о славе прежних дней, / О златом черниговском престоле, / О желанной Гле-
бовне своей!* (с. 141).

Богатство и разнообразие поэтического синтаксиса переложения Заболоцкого не только позволяет создать особую ритмо-мелодическую палитру и придать повествованию характер то стремительного движения, то взволнованно-эмоционального монолога, то окрашенного в минорные ноты размышления, но и создать сам опорный каркас стиха, подчиненного заданному размеру, подчеркнуть горизонтальные и вертикальные связи в архитектонике поэтического текста, сложный синтаксис которого, насыщенный однородными рядами и обособленными синтагмами, полипредикативными конструкциями и обращениями, поддерживается постоянством метрического рисунка и композиционной симметрией, грамматическим параллелизмом и различными типами повторов, столь широко представленных в оригинале:

Вспала князю эта мысль на ум — / *Искусить неведомого края, / И сказал он, полон ратных дум, /
Знаменем небес пренебрегая: / «Копие хочу я преломить / В половецком поле незнакомом, /
С вами, братья, голову сложить / Либо Дону зачерпнуть шеломом!»* (с. 137).
*Укрепив носилки между выюков, / Святополк отца увез в печали, / На крыях угорских убаюкав. /
Прозван Гориславичем в народе, / Князь Олег пришел на Русь как ворог* (с. 142).
*И сам, прирублен саблею каленой, / В чужом краю, среди кровавых трав, / Кипучей кровью в битве
обагренный, / Упал на щит червленый, простонав...* (с. 153).
*Князь могучий полоцкий Всеслав / Кинул жребий, в будущее глянув, / О своей любимой загадав. /
Замышляя новую крамолу, / Он опору в Киеве нашел...* (с. 154).
*В горностая-белку обратясь, / К тростникам помчался Игорь-князь / И поплыл, как гоголь, на
волне, / Полетел, как ветер, на коне. / Конь упал, и князь с коня долой, / Серым волком скачет
он домой. / Словно сокол, вьется в облака, / Увидав Донец издалека. / Без дорог летит и без пу-
тей, / Бьет к обеду уток-лебедей. / Там, где Игорь соколом летит, / Там Овлур, как серый волк,
бежит, / Все в росе от полуночных трав, / Борзых коней в беге надорвав* (с. 158).

Если сравнить размер предложения в обоих переводах «Слова», то окажется, что Жуковский в более чем 50 % репрезентаций предпочитает размещать предикативную единицу в границах 1 или 2 строк (предложения, равные по протяженности 3 и 4 стихам, составляют здесь только четверть от 207 конструкций); напротив, Заболоцкий активно использует предложения объемом в 4 стиха, в два раза реже — длиною в 2 стиха, что в гораздо большей степени соответствует традиционному для русской лирики размеру предложения, совпадающего, в согласии с некой подсознательной поэтической «инерцией», чаще всего с объемом самого распространенного типа строфы — катреном (что отражает гармонию

ритма и синтаксиса в классических стихах). Единичными случаями в обоих переложениях представлены конструкции, занимающие от 8 до 14 строк.

Переложения отличает также и частотность переносов из строки в строку: у Жуковского — 63 примера на 544 строки, у Заболоцкого в пространстве из 700 строк — 140 переносов, из них более 10 довольно резких, не совпадающих с границами синтагм, таким образом, в переложении Жуковского в среднем используется 1 анжамбман на 9 строк, у Заболоцкого — 1 перенос на 5 строк. Если Заболоцкий, подчеркивая движение во времени и в пространстве, усиливает роль переносов, то Жуковский стремится на пространстве более длинных строк (используемых, например, в известных поэту записях русских былин и, как правило, совпадающих с границами синтаксических единиц) выдержать мерность и плавность ритмического рисунка при переложении лиро-эпического монументального полотна. Поскольку в «Слове» чередуются контексты взволнованно-динамические и фрагменты с ретардацией повествования, перед поэтами-переводчиками «Игровой песни» всегда вставала проблема определения длины строки³², и ритмо-синтаксический выбор, сделанный Заболоцким, явно отличается от предложенного ранее Жуковским решения, хотя интуитивное тяготение поэта пушкинского времени к длинным строкам, почти лишенным анжамбманов, очевидно, в большей степени соответствует ритмо-мелодическому замыслу³³ создателя «Слова».

Синтаксические особенности переложения, сближающего Заболоцкого, питомца русской классики, с автором «Слова о полку Игореве», наследником Бояновых традиций, отражают стремление поэта XX в. подчеркнуть идею преемственности традиций великой древней и новой русской литературы.

Заключение

Неповторимый, изменчивый в зависимости от композиционного движения ритм СПИ подерживается прежде всего оригинальной синтаксической архитектурой памятника, очень разнообразной с точки зрения типологии и усложненной в аспекте устройства: симметрией расположения колонов и их звеньев, параллелизмом, повторами конструкций и их частей, инверсией, диалогическими единствами, цитатными фрагментами, метафорическими неделимыми синтагмами, асиндетоном в союзе с богатой системой паузирования, формируемого членением текста на отдельные простые предложения или предикативные части внутри сложных целых, однородными рядами, обращениями, причастными и именными оборотами, сравнительными синтагмами. Поэтический синтаксис «Слова» — гениальное по замыслу и исполнению, намного опередившее свое время в отношении особенностей грамматической архитектуры предвесье будущего «строительства» системы синтаксических

³² См. рассуждения В. И. Стеллецкого на тему выбора длины строки при разбиении «Слова» на ритмические отрезки: «...традиционное деление на короткие строки разрушает напевность, присутствующую “Слову”... Членение перевода на короткие отрывки, как мне указал проф. Л. И. Тимофеев, явилось препятствием к дальнейшему приближению ритма перевода к ритмическому строю подлинника... Первой задачей, которую необходимо было разрешить в целях изучения ритмики “Слова”, прежде всего, естественно, явилась задача разделения текста на ритмические периоды. Это деление хотелось проделать не на слух, а руководствуясь какими-либо объективными критериями. После того, как они были найдены и поставленная мною задача была выполнена, я приступил к моему второму переводу. В древнерусском тексте оказалось найденных таким образом 497 строк, т. е. на 239 строк меньше, чем в моем первом переводе и только на 57 строк менее, чем у Жуковского; стало быть, строки древнерусского текста, найденные с помощью объективных критериев, оказались во многих случаях значительно более длинными, чем традиционные... Когда я окончил свой второй перевод, я убедился, что у этого нового перевода имеется только один определенный предшественник, а именно перевод Жуковского» [Стеллецкий 1950: 412—413].

³³ О ритмической организации СПИ см. [Никифоров 1940: 214—250; Штокмар 1941: 65—82; Тимофеев 1963: 88—104; Стеллецкий 1964: 27—40; Picchio 1972: 147—162].

норм классической русской поэтической речи, которое будет совершаться в пушкинскую эпоху под пером поэтов «школы гармонической точности».

Как показали наблюдения над синтаксической структурой переложений В. А. Жуковского и Н. А. Заболоцкого, перевод середины XX в. является более вольным в отношении сохранения синтаксических особенностей оригинального текста в сравнении с переложением Жуковского. Однако грамматический строй переложения Заболоцкого, продолжавшего классические традиции русской лирики в новых условиях, очень близок поэтической морфологии и синтаксису начала XIX столетия, историческим стилизациям романтиков пушкинской эпохи, а также созданным в то же время первым переложениям «Игровой песни». Заболоцкий, найдя органично соответствующие содержанию «Слова» ритм и мелодику, сохранив основные художественные особенности автора древнерусского шедевра (богатство лексики и фразеологии, повторы, параллелизм, тропику, риторические фигуры, образную систему, приемы диалогизации и усиления эмоционального начала в лиро-эпическом жанре), прибегает в своем оригинальном переводе к той степени архаизации языка, которая в сознании современного ему читателя будила, наряду с нравственно-патриотическими и эстетическими чувствами, аллюзии, отсылающие к столь любимому самим поэтом «золотому веку» отечественной поэзии.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Синтаксические конструкции в «Слове о полку Игореве»
и его поэтических переложениях

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985] ³⁴	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
1	Безличное ОПП	1—3	Безличное ОПП	СПП
2	Инфинитивное ПП	3—4	Инфинитивное ПП	Инфинитивное ОПП
3	СПП	5—7	СПП	Двусоставное ПП
4	БСП	7—8	МСП (5)	Двусоставное ПП + ССП + МСП (3)
5	МСП (4)	8—12		
6	БСП	13—15	МСП (3)	МСП (3)
7	СПП	16—20	Определенно-личное ОПП + БСП	СПП
8	Двусоставное ПП	21—22	МСП (3)	БСП + СПП
9	Двусоставное ПП	22—23		
10	МСП (4)	23—26 ³⁵	СПП + определенно-личное ОПП	СПП + двусоставное ОПП
11	ССП	26—27	ССП	ССП
12	БСП	27—30	Определенно-личные ПП + ОПП	Двусоставное ОПП
13	Неполное двусоставное ПП	28	Двусоставное ПП	

³⁴ В издании [Слово 1985], в отличие от цитируемого в основной части статьи издания [Слово о полку Игореве 1985], строки пронумерованы, что облегчает поиск предложений по указанному в первом столбце номеру; расхождения в пунктуационном оформлении предложений, выявленные при сопоставлении изданий [Слово о полку Игореве 1985] и [Слово 1985], оговариваются в последующих сносках.

³⁵ В издании [Слово 1985] здесь два предложения: сложноподчиненное и сложносочиненное.

Таблица 1 (продолжение)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
14	Двусоставное ОПП	31—34	Двусоставное ОПП	МСП (5)
15	Безличное ПП	35	Инфинитивное ОПП	
16	БСП	37	БСП	БСП
17	Безличное ПП	37—38	МСП (6)	Инфинитивное ПП
18	МСП (4)	38—40		МСП (4)
19	Двусоставное ПП	41		Двусоставное ПП
20	Двусоставное ПП	41—42	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
21	БСП	42—43	БСП	Двусоставное ПП + БСП
22	ССП	43—45	ССП	Неполное двусоставное ОПП + БСП ++ МСП (6) + неполное двусоставное ОПП
23	МСП (11)	45—50	МСП (7)	
24	Двусоставное ПП	51—52	Двусоставное ПП	БСП
25	МСП (6)	52—57	МСП (3) + БСП	МСП (6)
26	БСП	57—59	Двусоставное ПП + БСП	ССП
27	Двусоставное ПП	60		МСП (8)
28	МСП (4)	60—63 ³⁶	МСП (4)	
29	Определенно-личное ОПП	63	Эллиптическое двусоставное ПП	Эллиптическое двусоставное ПП
30	Двусоставное ПП	64	МСП (5)	Двусоставное ПП
31	БСП	64—65		Двусоставное ПП + МСП (3)
32	БСП	65—66 ³⁷		
33	Двусоставное ОПП	66—67	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП
34	МСП (3)	68—71	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП + БСП
35	Неопределенно-личное ПП	71—73 ³⁸	ССП	
36	Эллиптическое двусоставное ПП	74—75	Эллиптическое двусоставное ПП	Двусоставное ОПП
37	Двусоставное ПП	76	БСП	БСП
38	Неполное двусоставное ПП	77		
39	Двусоставное ОПП	77—79	Двусоставное ОПП	МСП (5)
40	БСП	79—81	ССП	ССП
41	МСП (3)	82—84	МСП (3)	ССП + двусоставное ПП
42	БСП	85 ³⁹	2 инфинитивных ПП	МСП (3)
43	БСП	86—88	БСП	БСП

³⁶ В издании [Слово 1985] здесь два предложения: простое и трехчленное бессоюзное.

³⁷ В издании [Слово 1985] здесь одно четырехчастное бессоюзное предложение.

³⁸ В издании [Слово 1985] здесь одно четырехчастное сложное предложение.

³⁹ В издании [Слово 1985] здесь два простых инфинитивных предложения.

Таблица 1 (продолжение)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
44	Определенно-личное ОПП	88	Эллиптическое двусоставное ПП	Двусоставное эллиптическое ПП
45	Двусоставное ОПП	89—90	Двусоставное ОПП	МСП (3)
46	МСП (6)	90—93 ⁴⁰	Двусоставное ПП + МСП (3) + двусоставное ПП	МСП (5)
47	ССП	94—95	ССП	ССП
48	МСП (3)	96—98	МСП (5)	Двусоставное ПП
49	СПП	98—100		СПП
50	Двусоставное ОПП	100—101		МСП (3) + парцеллят
51	Двусоставное вопросительное ОПП	102—104		
52	МСП (3)	105—106	МСП (3)	МСП (3)
53	Двусоставное ПП	106—108	ССП	Двусоставное ОПП
54	МСП (3)	108—111	Двусоставное ПП + ССП	ССП
55	Двусоставное ПП	111—114	ССП	Двусоставное ОПП
56	Двусоставное ПП	114—116	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП
57	БСП	116—119	Безличное ПП + БСП	БСП
58	МСП (3)	119—123	МСП (4)	МСП (5)
59	ССП	123—124	ССП	ССП
60	МСП (3)	124—127	МСП (3)	ССП + МСП (3) + ССП
61	БСП	127—129	ССП	ССП
62	БСП	129—130	БСП	БСП
63	БСП	130—132	Двусоставное ПП + безличное ПП	Двусоставное ОПП + определенно-личное ПП + безличное ПП
64	МСП (3)	132—133	МСП (3)	МСП (4)
65	МСП (4)	133—137 ⁴¹	МСП (4)	
66	ССП	137—138	ССП	ССП
67	БСП	139—140	БСП	МСП (3) + неполное двусоставное ОПП
68	БСП	140—143	Двусоставное ОПП + БСП + МСП (3)	
69	БСП	143—145		
70	ССП	145		
71	Двусоставное ПП	145—147	МСП (3)	Двусоставное ПП
72	Двусоставное ПП	147—148 ⁴²		ССП
73	Двусоставное ОПП	149	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП
74	Инфинитивное ПП	150	Инфинитивное ПП	Инфинитивное ПП

⁴⁰ В издании [Слово 1985] здесь два предложения: четырехчленное бессоюзное и двухчастное сложносочиненное.

⁴¹ В издании [Слово 1985] здесь два предложения: простое и трехчленное бессоюзное.

⁴² В издании [Слово 1985] здесь одно многочастное предложение с вкраплениями прямой речи.

Таблица 1 (продолжение)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
75	ССП	150—152	Двусоставное ОПП	ССП
76	Двусоставное ОПП	153	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП
77	ССП	154—156	ССП	Инфинитивное ПП + двусоставное вопросительное ПП + МСП (4)
78	ССП	157—158	МСП (4)	МСП (3)
79	БСП	158—159		
80	ССП	160—162	ССП	
81	МСП (7)	163—173 ⁴³	СПП + МСП (3) + двусоставное ПП + двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП + БСП
82	ССП	170—173		Двусоставное ПП
83	СПП	173—176	Двусоставное ОПП	СПП
84	Двусоставное ПП	176—177	Двусоставное ПП	МСП (3) + СПП + ССП
85	ССП	178	МСП (3)	ССП
86	Двусоставное ПП	179	Двусоставное ПП	МСП (3)
87	Неполное двусоставное ПП	181	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП
88	МСП (3)	179—184	МСП (3)	Неопределенно-личное ПП + БСП
89	Двусоставное ПП	184—185	Двусоставное ПП	ССП
90	БСП	185—187	Двусоставное ОПП + инфинитивное ПП	Двусоставное ПП
91	Двусоставное ПП	188	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП
92	БСП	188—191 ⁴⁴	БСП	Двусоставное вопросительное ПП
93	ССП	191—193	БСП	2 двусоставных ПП
94	МСП (4)	193—197	Двусоставное ПП + МСП (3)	ССП + БСП
95	БСП	197—198	Двусоставное ПП + ССП	МСП (3)
96	МСП (3)	199—200	МСП (3)	МСП (5)
97	БСП	200—202	БСП	Двусоставное ПП + неполное двусоставное ПП + БСП
98	Двусоставное ОПП	203	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП
99	Двусоставное ОПП	204—205	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП
100	Определенно-личное ПП	206—207	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП + двусоставное ПП
101	Определенно-личное ПП	207—208	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП

⁴³ В издании [Слово 1985] здесь два простых предложения и одно пятичленное бессоюзное.

⁴⁴ В издании [Слово 1985] здесь два простых предложения.

Таблица 1 (продолжение)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
102	Двусоставное ПП	208—210	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
103	Определенно-личное вопросительное ПП	210	Двусоставное восклицательное ПП	Двусоставное вопросительное ОПП
104	Определенно-личное ПП	211—214	Определенно-личное ПП	МСП (3) + МСП (3) + номинативное ПП
105	Двусоставное ОПП	214—216	Двусоставное ОПП	
106	Определенно-личное ПП	216	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
107	МСП (3)	216—217	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
108	Безличное вопросительное ОПП	218	Безличное ПП	Безличное вопросительное ПП
109	МСП (3)	218—220	БСП	СПП + БСП
110	МСП (3)	220—221 ⁴⁵	Двусоставное ОПП + двусоставное ПП	
111	ССП	222—223	ССП	Двусоставное ПП
112	Эллиптическое двусоставное ПП	223	Эллиптическое двусоставное ПП	БСП
113	Инфинитивное вопросительное ПП	224—225	Эллиптическое двусоставное ПП + определенно-личное вопросительное ПП	2 инфинитивных вопросительных ПП
114	Двусоставное ПП	226—227	МСП (4)	МСП (3) + МСП (3)
115	МСП (3)	227—228		
116	Двусоставное ПП	228—229	ССП	Двусоставное ПП + двусоставное вопросительное ПП + двусоставное вопросительное ОПП
117	Двусоставное вопросительное ПП	230—231		
118	Двусоставное вопросительное ОПП	231—233	Двусоставное вопросительное ОПП	Определенно-личное ОПП
119	Определенно-личное побудительное ОПП	233—235	Определенно-личное побудительное ОПП	3 двусоставных ПП
120	БСП	236—240	МСП (4)	МСП (3)
121	МСП (3)	240—242		
122	Определенно-личное побудительное ОПП	242—244	Определенно-личное побудительное ОПП	Определенно-личное ОПП
123	Двусоставное ПП	245—246	МСП (3)	ССП
124	Определенно-личное ОПП	246—248		
125	Двусоставное ПП	248—249	БСП	МСП (4) + БСП
126	ССП	249—252	ССП	

⁴⁵ В издании [Слово 1985] здесь двучленное бессоюзное и простое предложения.

Таблица 1 (продолжение)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
127	МСП (3)	252—254	МСП (4)	Безличное ПП + двусоставное ПП + БСП + безличное ПП
128	Инфинитивное ПП	255 ⁴⁶		Инфинитивное ПП
129	Двусоставное ОПП	255—256	БСП	Двусоставное ОПП
130	Двусоставное ОПП	256—257	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП
131	Определенно-личное ПП	259—260	Двусоставное вопросительное ОПП	БСП + двусоставное вопросительное ПП
132	Двусоставное эллиптическое вопросительное ПП	260—261	Двусоставное эллиптическое вопросительное ПП	Двусоставное эллиптическое вопросительное ПП
133	Определенно-личное побудительное ОПП	261—263	Определенно-личное побудительное ПП	СПП
134	ССП	264—266	БСП	2 двусоставных ПП
135	МСП (3)	267—271	МСП (3)	2 двусоставных ОПП
136	ССП	271—272	ССП	ССП
137	Безличное ПП	273	Безличное ПП	Двусоставное ПП
138	Двусоставное ПП	274—275 ⁴⁷	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП + двусоставное ПП
139	МСП (3)	275—276	МСП (3)	МСП (3)
140	БСП	277—278	БСП	2 определенно-личных побудительных ПП
141	Определенно-личное ПП	278—279 ⁴⁸	Двусоставное ПП	СПП + ССП
142	Двусоставное ПП	279—280		
143	Двусоставное ПП	281 ⁴⁹		
144	Двусоставное ПП	282—283	Двусоставное ОПП	Двусоставное ПП + двусоставное ОПП
145	Двусоставное ПП	283—285	Двусоставное ОПП	Двусоставное ОПП
146	МСП (5)	285—289	Двусоставное ОПП	Двусоставное ПП + двусоставное ОПП
147	Неопределенно-личное ПП	289—291	Неопределенно-личное ПП	МСП (3) + ССП + БСП
148	БСП	291—292	БСП	
149	БСП	293—296	МСП (4)	МСП (4)
150	ССП	296—298	ССП	МСП (3) + МСП (3) + ССП

⁴⁶ В издании [Слово 1985] здесь одно четырехчастное предложение.

⁴⁷ В издании [Слово 1985] здесь одно бессоюзное сложное предложение.

⁴⁸ В издании [Слово 1985] здесь одно трехчастное бессоюзное предложение.

⁴⁹ В издании [Слово 1985] здесь одно сложноподчиненное предложение.

Таблица 1 (продолжение)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
151	СПП	298—299	СПП	
152	Двусоставное ОПП	299—300	Двусоставное ПП	
153	Инфинитивное ОПП	300—301	ССП	Двусоставное ПП
154	Инфинитивное ОПП	302—303	Инфинитивное ОПП	Инфинитивное ОПП
155	МСП (4)	303—306	Безличное ПП + МСП (4)	Безличное ПП + ССП + двусоставное вопросительное ПП + МСП (4)
156	Двусоставное ПП	306 ⁵⁰		
157	БСП	307—308	БСП	Двусоставное ОПП
158	Неполное двусоставное ПП	308	Неполное двусоставное ПП	
159	МСП (3)	308—310	МСП (3)	Двусоставное ОПП + МСП (3)
160	Двусоставное ОПП	311	Двусоставное ОПП	СПП
161	Определенно-личное вопросительное ОПП	312	Определенно-личное вопросительное ОПП	Двусоставное вопросительное ОПП
162	Определенно-личное вопросительное ОПП	313—314	Двусоставное вопросительное ПП	Безличное вопросительное ПП
163	Безличное вопросительное ОПП	314—315	2 безличных ПП	Двусоставное ОПП
164	Определенно-личное вопросительное ОПП	316	Двусоставное вопросительное ОПП	Двусоставное вопросительное ОПП
165	Двусоставное ОПП	317—318	Двусоставное ОПП	СПП
166	Двусоставное ПП	318—319	МСП (4)	Двусоставное ПП + МСП (3)
167	Двусоставное ПП	319—320		
168	СПП	320—322		
169	Двусоставное ОПП	322—323	Двусоставное ОПП	СПП
170	БСП	324—325	БСП	Безличное ПП + 2 двусоставных вопросительных ПП
171	Определенно-личное вопросительное ПП	325—326 ⁵¹	Двусоставное вопросительное ПП	
172	БСП	327	МСП (3)	Двусоставное ПП + БСП
173	Двусоставное ПП	328—329 ⁵²		
174	Двусоставное ПП	329—330	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП + БСП + двусоставное ПП
175	МСП (3)	330—332	БСП	
176	МСП (3)	332—333 ⁵³	МСП (3)	Двусоставное ПП + определенно-личное ОПП + МСП (4)
177	МСП (3)	333—335	МСП (3)	

⁵⁰ В издании [Слово1985] здесь одно сложное предложение из пяти частей.⁵¹ В издании [Слово1985] здесь одно простое и одно трехчленное бессоюзное предложение.⁵² В издании [Слово1985] здесь одно трехчленное бессоюзное предложение.⁵³ В издании [Слово1985] здесь два простых предложения.

Таблица 1 (окончание)

№ предложения в СПИ	«Слово о полку Игореве»	№ строки в издании [Слово 1985]	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
178	Двусоставное ПП	335—336	МСП (5)	Двусоставное ОПП
179	Неполное двусоставное ПП	336—337		МСП (3) + 2 неполных двусоставных ПП + МСП (3) + ССП
180	Неполное двусоставное ПП	338—339 ⁵⁴		
181	МСП (3)	340—342	МСП (3)	
182	Двусоставное ПП	342	Двусоставное ПП	Двусоставное ОПП
183	Безличное ПП	343—344	Безличное ПП	2 двусоставных ОПП
184	Двусоставное ПП	344	Эллиптическое двусоставное ПП	Двусоставное ПП
185	МСП (3)	344—349	Безличное ПП	Безличное ОПП
186	МСП (3)	349—351	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
			БСП + 2 двусоставных ПП	Эллиптическое двусоставное ПП + ССП + МСП (3)
187	Двусоставное ПП	352	Двусоставное ПП	
188	ССП	353	ССП	
189	БСП	354—355	БСП	МСП (4)
190	МСП (4)	355—357	МСП (6)	
191	БСП	357—358		
192	Двусоставное ПП	358—359	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
193	СПП	359—360	СПП	МСП (3)
194	Двусоставное ПП	360—361	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
195	СПП	361—362	СПП	МСП (3)
196	Двусоставное ПП	362—363	Двусоставное ПП	Двусоставное ПП
197	МСП (4)	363—365	МСП (4)	МСП (3)
198	Двусоставное ОПП	366—367	Двусоставное ОПП	СПП
199	МСП (3)	368—369	МСП (3) + двусоставное ПП + безличное ПП	МСП (3)
200	МСП (4)	369—371 ⁵⁵	БСП + МСП (3)	БСП + двусоставное ОПП
201	Двусоставное ПП	372—373		Двусоставное ПП
202	БСП	373	БСП	ССП
203	Инфинитивное ОПП	374—375	МСП (5)	МСП (3)
204	Клишированное ПП	375—376		
205	Клишированное ПП	376—377		СПП
206	Клишированное ОПП	377	Клишированное ОПП	Клишированное ОПП
207	Нечленимое П	378	ССП	Клишированное ПП

⁵⁴ В издании [Слово1985] здесь одно предложение с однородным рядом сказуемых.

⁵⁵ В издании [Слово1985] здесь два бессоюзных сложных предложения.

Таблица 2

**Частотность разных типов синтаксических структур
в «Слове о полку Игореве» и его поэтических переложениях**

Тип конструкции	«Слово о полку Игореве»	Перевод Жуковского	Перевод Заболоцкого
Двусоставное ПП	44	41	53
Двусоставное ОПП	19	26	36
Неполное двусоставное ПП	5	1	1
Неполное двусоставное ОПП	—	—	5
Эллиптическое двусоставное ПП	3	6	4
Эллиптическое двусоставное ОПП	—	2	—
Определенно-личное ПП	10	3	3
Определенно-личное ОПП	9	7	3
Неопределенно-личное ПП	1	1	1
Безличное ПП	4	9	7
Безличное ОПП	3	2	1
Инфинитивное ПП	4	5	5
Инфинитивное ОПП	3	2	3
Номинативное ПП	—	—	1
ССП	20	22	26
СПП	8	6	16
БСП	33	29	27
МСП	40	41	49
Клишированные, с ослабленной членимостью П	4	4	2
<i>Итого</i>	207	207	243

Условные сокращения:

- ПП — простое предложение;
- ОПП — осложненное обращениями, причастными и именными оборотами простое предложение;
- ССП — сложносочиненное предложение из двух частей;
- СПП — сложноподчиненное предложение из двух частей;
- БСП — бессоюзное сложное предложение из двух частей;
- МСП — многочленное сложное предложение (с указанием количества частей в скобках: 3 и более).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Акимова 2006 — Акимова Э. Н. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI—XVII вв.). Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2006. [Akimova E. N. *Realizatsiya kategorii obuslovlennosti v yazyke pamyatnikov pis'mennosti russkogo srednevekov'ya (XI—XVII vv.)* [Manifestation of the category of conditionality in the language of the Russian medieval literary texts (XI—XVII centuries)]. Saransk: Mordovian Univ., 2006.]
- Барсов 1887 — Барсов Е. В. «Слово о полку Игореве» как памятник Киевской дружинной Руси. Т. 1—3. Т. 1. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1887. [Barsov E. V. «*Slovo o polku Igoreve*» kak pamyatnik Kievskoi druzhinnoi Rusi [The Igor Tale as a literary masterpiece of Kievian druzhina Rus']. In 3 vol. Vol. 1. Moscow: Univ. Printing House. (M. Katkov), 1887.]
- Борковский 1972 — Борковский В. И. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Бессоюзные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными. М.: Наука, 1972. [Borkovskii V. I.

- Sravnitel'no-istoricheskii sintaksis vostochnoslavjanskikh jazykov. Bessoyuznye predlozheniya, sopostavlyаемые so slozhnopodchinennymi* [Comparative historical syntax of East Slavic languages. Conjunctionless sentences compared with sentences with subordinate conjunctions]. Moscow: Nauka, 1972.]
- Брукер 1990 — Брукер Н. И. Конструкции цепного нанизывания с синтаксической частицей *же* // Семантика и прагматика языковых единиц. Душанбе: ТГУ, 1990. С. 163—174. [Bruker N. I. Chain stringing constructions with the syntactic particle *zhe*. *Semantika i pragmatika jazykovykh edinit*. Dushanbe: Tajik State Univ., 1990. Pp. 163—174.]
- Буслаев 1861 — Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: В 2 т. Т. 1. СПб.: Типогр. товарищества «Общественная польза», 1861. [Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva* [Historical essays of the Russian folklore and art]. In 2 vol. Vol. 1. St. Petersburg: Obshchestvennaya Pol'za Partnership Printing House, 1861.]
- Винарская 1989 — Винарская Е. Н. Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). М.: Высшая школа, 1989. [Vinarskaya E. N. *Vyrazitel'nye sredstva teksta (na materiale russkoi poezii)* [Expressive means of the text (based on Russian poetry)]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1989.]
- Виноградов 1941 — Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: ГИХЛ, 1941. [Vinogradov V. V. *Stil' Pushkina* [Pushkin's writing style]. Moscow: Gos. Izd. Khudozhestvennoi Literatury, 1941.]
- Виноградов 1978 — Виноградов В. В. О задачах истории русского литературного языка // В. В. Виноградов. Избр. труды: История русского литературного языка. М.: Наука, 1978. С. 152—178. [Vinogradov V. V. The goals of the history of the Russian Standard language. Vinogradov V. V. *Izbr. trudy: Istoriya russkogo literaturnogo yazyka*. Moscow: Nauka, 1978. Pp. 152—178.]
- Воспоминания 1984 — Воспоминания о Н. Заболоцком. М.: Советский писатель, 1984. [*Vospominaniya o N. Zabolotskom* [Memoirs about N. Zabolotsky]. Moscow: Sovetskii Pisatel', 1984.]
- Востоков 1817 — Востоков А. Х. Опыт о русском стихосложении. СПб.: Морская типография, 1817. [Vostokov A. Kh. *Opyt o russkom stikhoslozhenii* [An essay concerning Russian versification]. St. Petersburg: Morskaya Tipografiya, 1817.]
- Вяземский 1877 — Вяземский П. П. «Слово о полку Игореве». Исследование о вариантах. СПб.: Тип. и хромолит. А. Траншалья, 1877. [Vyazemskii P. P. «*Slovo o polku Igoreve*». *Issledovanie o variantakh*. [The Igor Tale. Study of the variants]. St. Petersburg: A. Transhal Tip. i Khromolit, 1877.]
- Гаспаров Б. 2000 — Гаспаров Б. М. Поэтика «Слова о полку Игореве». М.: Аграф, 2000. [Gasparov B. M. *Poetika «Slova o polku Igoreve»* [Poetics of the Igor Tale]. Moscow: Agraf, 2000.]
- Гаспаров М. 1985 — Гаспаров М. Л. Оппозиция «стих — проза» и становление русского литературного стиха // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М.: Наука, 1985. С. 264—277. [Gasparov M. L. “Verse — prose” opposition and evolution of the Russian literary verse. *Russkoe stikhoslozhenie. Traditsii i problemy razvitiya*. Moscow: Nauka, 1985.]
- Гин 1986 — Гин Я. И. К истолкованию финала плача Ярославны // Исследования «Слова о полку Игореве» / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л.: Наука, 1986. С. 81—86. [Gin Ya. I. Towards the interpretation of the end of Yaroslavna's lamentations. *Issledovaniya «Slova o polku Igoreve»*. Likhachev D. S. (ed.). Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 81—86.]
- Демкова 1979 — Демкова Н. С. Повторы в «Слове о полку Игореве». К изучению композиции памятника // Русская и грузинская средневековые литературы. Л.: Наука, 1979. С. 59—73. [Demkova N. S. Reiterations in the Igor Tale. Towards study of the text composition. *Russkaya i gruzinskaya srednevekovye literatury*. Leningrad: Nauka, 1979. Pp. 59—73.]
- Дмитриев 1962 — Дмитриев Л. А. Н. М. Карамзин и «Слово о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 18. М.; Л., 1962. С. 38—49. [Dmitriev L. A. N. M. Karamzin and the Igor Tale. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. 18. Moscow; Leningrad, 1962. Pp. 38—49.]
- Древнерусская грамматика 1995 — Древнерусская грамматика XII—XIII вв. / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1995. [*Drevnerusskaya grammatika XII—XIII vv.* / Отв. ред. В. В. Иванов. М.: Наука, 1995.]
- Еремин 1950 — Еремин И. П. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия Киевской Руси // «Слово о полку Игореве»: сб. ст. и исследований. М.; Л., 1950. С. 93—129. [Ermin I. P. The Igor Tale as a literary text of Kievan Rus' politic eloquence. «*Slovo o polku Igoreve*»: *sbornik statei i issledovanii*. Moscow; Leningrad, 1950. Pp. 93—129.]
- Житецкий 1877 — Житецкий П. И. [Zhitetskii P. I.]. Ueber das russische Lied von Igors Heereszug. *Archiv fuer slavische Philologie*. Bd 2. Berlin, 1877. Ss. 642—660.
- Заболоцкий 1969 — Заболоцкий Н. А. К вопросу о ритмической структуре «Слова о полку Игореве» // Вопросы литературы. 1969. № 1. С. 176—188. [Zabolotskii N. A. The rhythmical structure of the Igor Tale revisited. *Voprosy literatury*. 1969. No. 1. Pp. 176—188.]

- Заболоцкий 1972 — Заболоцкий Н. А. Избр. произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1972. [Zabolotskii N. A. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]: In 2 vol. Vol. 2. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1972.]
- Зализняк 2006 — Зализняк А. А. Можно ли создать «Слово о полку Игореве» путем имитации // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 3—21. [Zaliznyak A. A. Can one create the Igor Tale by means of imitation? *Voprosy jazykoznanija*. 2006. No. 5. Pp. 3—21.]
- Зализняк 2007 — Зализняк А. А. Еще раз об энклитиках в «Слове о полку Игореве» // Вопросы языкознания. 2007. № 6. С. 3—13. [Zaliznyak A. A. Enclitics in the Igor Tale revisited. *Voprosy jazykoznanija*. 2007. No. 6. Pp. 3—13.]
- Зализняк 2008 — Зализняк А. А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., доп. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. [Zaliznyak A. A. *«Slovo o polku Igoreve»: vzglyad lingvista* [The Igor Tale through linguist's eyes]. 3rd edition, enlarged. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi, 2008.]
- Иезуитова 1989 — Иезуитова Р. В. Жуковский и его время. Л.: Наука, 1989. [Iezuitova R. V. *Zhukovskii i ego vremya* [Zhukovskii and his time]. Leningrad: Nauka, 1989.]
- Ироическая песнь 1800 — «Ироическая песнь о походе на половцов удельного князя Новгорода-Северского Игоря Святославича...». М.: В Сенатской типографии, 1800. [«*Iroicheskaya pesn' o pokhode na polovtsov udel'nogo knyazu Novgoroda-Severskogo Igorya Svyatoslavicha...*». Moscow: V Senatsoi Tipografii, 1800.]
- Историческая грамматика 1979 — Борковский Б. И. (ред.). Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М.: Наука, 1979. [Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Slozhnoe predlozhenie. Moscow: Nauka, 1979.]
- Истрина 1923 — Истрина Е. С. Синтаксические явления Синодального списка I Новгородской летописи. Пг. Рос. гос. акад. тип., 1923. [Istrina E. S. *Sintaksicheskie yavleniya Sinodal'nogo spiska I Novgorodskoi letopisi* [Syntactic phenomena of the Synodal copy of the 1st Novgorod Chronicle]. Petrograd: Ros. Gos. Akad. Tip., 1923.]
- Канунова 1984 — Канунова Ф. З. Русская история в чтении и исследованиях В. А. Жуковского // Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Ч. 1. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1984 [Kanunova F. Z. Russian history in Zhukovskii's reading and studies. *V. A. Zhukovskii Library in Tomsk*. Part 1. Tomsk: Tomsk Univ., 1984.]
- Карамзин 1991 — Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. Т. 2—3. М.: Наука, 1991. [Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian state]: In 12 vol. Vol. 2—3. Moscow: Nauka, 1991.]
- Квятковский 2008 — Квятковский А. П. Ритмология. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. [Kvyatkovskii A. P. *Ritmologiya* [Rhythmology]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2008.]
- Ковтунова 1986 — Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. [Kovtunova I. I. *Poeticheskii sintaksis* [Poetic syntax]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Колесов 1983 — Колесов В. В. Ритмика «Слова о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1983. Т. 37. С. 14—24. [Kolesov V. V. Rhythmics of the Igor Tale. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. 1983. Vol. 37. Pp. 14—24.]
- Колесов 1989 — Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. [Kolesov V. V. *Drevnerusskii literaturnyi yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad: Leningr. Univ., 1989.]
- Котляренко 1966 — Котляренко А. Н. Сравнительный анализ некоторых особенностей грамматического строя «Задонщины» и «Слова о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.; Л.: Наука, 1966. С. 128—198. [Kotlyarenko A. N. A comparative study of some grammar features of Zadonschina and the Igor Tale. *«Slovo o polku Igoreve» i pamyatniki Kulikovskogo tsikla*. Moscow; Leningrad: Nauka, 1966. Pp. 128—198.]
- Корш 1896 — Корш Ф. Е. О русском стихосложении // Изв. Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1896. Т. 1. Кн. 1. С. 1—45. [Korsh F. E. About the Russian versification. *Izvestiya Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk*. 1896. Vol. 1. Book 1.]
- Кулаковский 1977 — Кулаковский Л. В. Песнь о полку Игореве: Опыт воссоздания модели древнего мелоса. М.: Сов. композитор, 1977. [Kulakovskii L. V. *Pesn' o polku Igoreve: Opyt vossозdaniya modeli drevnego melosa* [The Igor Tale: An attempt of reconstruction of the ancient melos model]. Moscow: Sov. Kompozitor, 1977.]
- Лихачев 1957 — Лихачев Д. С. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л.: АН СССР, 1957. Т. 13. С. 66—89.

- [Likhachev D. S. History of the Igor Tale editing in the end of the XVIII century. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1957. Vol. 13. Pp. 66—89.]
- Лихачев 1983 — Лихачев Д. С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» // Русская литература. 1983. № 4. С. 9—21. [Likhachev D. S. Poetics of reiteration in the Igor Tale. *Russkaya literatura*. 1983. No. 4. Pp. 9—21.]
- Лихачев 1986 — Лихачев Д. С. Предположение о диалогическом строении «Слова о полку Игореве» // Д. С. Лихачев (отв. ред.). Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука, 1986. С. 130—144. [Likhachev D. S. A hypothesis of dialogic composition of the Igor Tale. *Issledovaniya «Slova o polku Igoreve»*. Likhachev D. S. (ed.). Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 130—144.]
- Ломтев 1956 — Ломтев Т. П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1956. [Lomtev T. P. *Ocherki po istoricheskomu sintaksisu russkogo yazyka* [Essays on the historical syntax of the Russian language]. Moscow: Moscow State Univ., 1956.]
- Москвин 2009 — Москвин В. П. Теоретические основы стиховедения. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. [Moskvin V. P. *Teoreticheskie osnovy stikhovedeniya* [Theoretical foundations of verse study]. Moscow: Librokom, 2009.]
- Никифоров 1940 — Никифоров А. И. Проблема ритмики «Слова о полку Игореве» // Учен. зап. Лeningradского пед. ин-та им. М. Н. Покровского. Л., 1940. Т. 14. Вып. 2. С. 214—250. [Nikiforov A. I. Rhythmics of the Igor Tale. *Uchenye zapiski Leningradskogo ped. in-ta im. M. N. Pokrovskogo*. Leningrad, 1940. Vol. 14. No. 2. Pp. 214—250.]
- Николаева 1978 — Николаева Т. М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы (вступит. ст.) // Николаева Т. М. (ред.). Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. С. 5—39. [Nikolaeva T. M. Text linguistics. Present and future (Preface). *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Nikolaeva T. M. (ed.). Moscow: Progress, 1978. Pp. 5—39.]
- Николаева 1985 — Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале современных славянских языков). М.: Наука, 1985. [Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale sovremennykh slavyanskikh yazykov)* [Functions of particles in the utterance (based on modern Slavic languages)]. Moscow: Nauka, 1985.]
- Николаева 2011 — Николаева Т. М. «Слово о полку Игореве». Поэтика и лингвистика текста; «Слово о полку Игореве» и пушкинские тексты. 3-е изд. М.: URSS, 2011. [Nikolaeva T. M. *«Slovo o polku Igoreve»*. *Poetika i lingvistika teksta; «Slovo o polku Igoreve» i pushkinskie teksty* [The Igor Tale. Text poetics and linguistics; The Igor Tale and Pushkin's texts]. 3rd edition. Moscow: URSS, 2011.]
- Обнорский 1946 — Обнорский С. П. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946 [Obnorskii S. P. *Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka starshego perioda* [Essays on the history of the Russian standard language of the early period]. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1946.]
- Патроева 2002 — Патроева Н. В. Поэтический синтаксис: категория осложнения. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. [Patroeva N. V. *Poeticheskii sintaksis: kategoriya oslozhneniya* [Poetic syntax: category of complication]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2002.]
- Петерсон 1937 — Петерсон М. Н. Синтаксис «Слова о полку Игореве» // *Slavia*. Roč. XIV. Seš. 4. Praha, 1937. Ss. 547—592. [Peterson M. N. Syntax of the Igor Tale. *Slavia*. Roč. XIV. Seš. 4. Praha, 1937. Ss. 547—592.]
- Портер 2003 — Портер Л. Г. Симметрия — владычица стихов: Очерк начал общей теории поэтических структур. М.: Языки славянской культуры, 2003. [Porter L. G. *Simmetriya — vladychitsa stikhov: Ocherk nachal obshchei teorii poeticheskikh struktur* [Symmetry — a mistress of the verse: An essay of the basics of the general theory of poetic structures]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2003.]
- Потебня 1888 — Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. Харьков: Типография М. Ф. Зильберберга, 1888. [Potebnya A. A. *Iz zapiskov po russkoi grammatike* [Selected writings on the Russian grammar]. Vol. 1—2. Khar'kov: M. F. Zil'berberg Printing House, 1888.]
- Поэтическая грамматика 2005 — Поэтическая грамматика / Отв. ред. Е. В. Красильникова. Т. 1. М.: Азбуковник, 2005. [Poeticheskaya grammatika [Poetic grammar]. Krasil'nikova E. V. (ed.). Vol. 1. Moscow: Azbukovnik, 2005.]
- Работа Н. Заболотского над переводом «Слова о полку Игореве» / Комментарии Д. Лихачева и Н. Степанова // Вопросы литературы. 1969. № 1. С. 164—188. [Zabolotskii's work upon the translation of the Igor Tale. Comments of D. Likhachev and N. Stepanov. *Voprosy literatury*. 1969. No. 1. Pp. 164—188.]
- СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 1. М., 1988. [Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI—XIV vv.) [A dictionary of the Old Russian language]. Vol. 1. Moscow, 1988.]

- СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1. М., 1975. [*Slovar' russkogo yazyka XI—XVII vv.* [A dictionary of the XI—XVII centuries Russian language]. No. 1. Moscow, 1975.]
- Слово 1985 — Слово о полку Игореве: Сборник. Л.: Сов. писатель, 1985. (Б-ка поэта. Большая сер.). [*Slovo o polku Igoreve: Sbornik* [The Igor Tale: Collection]. Leningrad: Sov. Pisatel', 1985.]
- Слово о полку Игореве 1985 — Слово о полку Игореве / Вступит. ст. и подгот. древнерус. текста Д. Лихачева. М.: Худож. лит., 1985. [*Slovo o polku Igoreve* [The Igor Tale]. Preface and preparation of the Old Russian text by D. Likhachev. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1985.]
- Слово: Екатерининская копия 2003 — Слово о полку Игореве: Екатерининская копия и перевод XVIII века (факсимильное воспроизведение), первое издание (репринтное воспроизведение), перевод, комментарии, приложение. М.: Древлехранилище, 2003. [*Slovo o polku Igoreve: Ekaterininskaya kopiya i perevod XVIII veka (faksimil'noe vosproizvedenie), pervoe izdanie (reprintnoe vosproizvedenie), perevod, kommentarii, prilozhenie* [The Igor Tale: Catherine copy and translation of the 18th century (facsimile), the 1st edition (reprint), translation, comments, appendix]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2003.]
- Спринчак 1960 — Спринчак Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса (простое предложение). Киев: Радянська школа, 1960. [*Sprinchak Ya. A. Oчерk russkogo istoricheskogo sintaksisa (prostoe predlozhenie)* [An essay of the Russian historical syntax (simple sentence)]. Kiev: Rad'an'ska Shkola, 1960.]
- Спринчак 1964 — Спринчак Я. А. Очерк русского исторического синтаксиса: В 2 ч. Ч. 2. Киев: Радянська школа, 1964. [*Sprinchak Ya. A. Oчерk russkogo istoricheskogo sintaksisa* [An essay of the Russian historical syntax]: In 2 parts. Part 2. Kiev: Rad'an'ska Shkola, 1964.]
- Стеллецкий 1950 — Стеллецкий В. И. Художественный перевод «Слова о полку Игореве» с сохранением основ ритмического строя подлинника // В. П. Адрианова-Перетц (ред.). «Слово о полку Игореве»: Сб. исследований и статей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 410—416. [*Stelletsckii V. I. Literary translation of the Igor Tale with maintaining of the basics of the rhythmical structure of the original. «Slovo o polku Igoreve»: Sb. issledovaniy i statei.* Adrianova-Peretts V. P. (ed.). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1950. Pp. 410—416.]
- Стеллецкий 1964 — Стеллецкий В. И. К вопросу о ритмическом строе «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1964. № 4. С. 27—40. [*Stelletsckii V. I. Rhythmical structure of the Igor Tale revisited. Russkaya literatura.* 1964. No. 4. Pp. 27—40.]
- Стеллецкий 1985 — Стеллецкий В. И. К вопросу о книжном древнерусском стихосложении XII—XIII вв. // Русское стихосложение. Традиции и проблемы развития. М.: Наука, 1985. С. 189—208. [*Stelletsckii V. I. XII—XIII centuries literary Old Russian versification revisited. Russkoe stikhoslozhenie. Traditsii i problemy razvitiya.* Moscow: Nauka, 1985. Pp. 189—208.]
- Стехин 1966 — Стехин Ю. К. Сложное предложение в поэтическом языке (на материале русской советской поэзии) // Вопросы синтаксиса сложного предложения и методики его преподавания в школах и вузах. Краснодар: Изд-во Краснодарского гос. пед. ин-та, 1966. С. 96—107. [*Stekhin Yu. K. Complex sentence in the poetic language (based on the Russian Soviet poetry). Voprosy sintaksisa slozhnogo predlozheniya i metodiki ego prepodavaniya v shkolakh i vuzakh.* Krasnodar: Krasnodar State Ped. Inst., 1966. Pp. 96—107.]
- Стеценко 1977 — Стеценко А. Н. Исторический синтаксис русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1977. [*Stetsenko A. N. Istoricheskii sintaksis russkogo yazyka* [Historical syntax of the Russian language]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: Vysshaya Shkola, 1977.]
- Тарановский 2000 — Тарановский К. Ф. О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // Тарановский К. Ф. О поэзии и поэтике. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 372—403. [*Taranovskii K. F. About relation of verse rhythm and subject matter. Taranovskii K. F. O poezii i poetike.* Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000. Pp. 372—403.]
- Тарланов 1990 — Тарланов З. К. Об одном способе объективации повествования в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.: Наука, 1990. Т. 43. С. 143—147. [*Tarlanov Z. K. A method of objectivization of the narrative in the Igor Tale. Trudy Otdela drevnerusskoi literatury.* Moscow: Nauka, 1990. Vol. 43. Pp. 143—147.]
- Тарланов 2007 — Тарланов З. К. Университетский курс русского синтаксиса в научно-историческом освещении. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. [*Tarlanov Z. K. Universitetskii kurs russkogo sintaksisa v nauchno-istoricheskom osveshchenii* [A university course of the Russian syntax from the academic and historic point of view]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2007.]
- Тарланов 2007 — Тарланов З. К. Динамика в развитии и функционировании языка. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. [*Tarlanov Z. K. Dinamika v razvitiy i funktsionirovaniy yazyka* [Dynamics in the language development and functioning]. Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ., 2008.]

- Тимофеев 1963 — Тимофеев Л. И. Ритмика «Слова о полку Игореве» // Русская литература. 1963. № 1. С. 88—104. [Timofeev L. I. Rhythmics of the Igor Tale. *Russkaya literatura*. 1963. No. 1. Pp. 88—104.]
- Тищенко 1984 — Тищенко В. И. В. А. Жуковский и «Слово о полку Игореве» // Вопросы русской литературы. Вып. 2 (44). Львов: Изд-во Львовского ун-та, 1984. С. 98—105. [Tishchenko V. I. V. A. Zhukovskii and the Igor Tale. *Voprosy russkoi literatury*. No. 2 (44). Lvov: Lvov Univ., 1984. Pp. 98—105.]
- Урысон 2006 — Урысон Е. В. Семантика союза *но*: данные языка о деятельности сознания // Вопросы языкознания. 2006. № 5. С. 22—42. [Uryson E. V. The semantics of the Russian conjunction *no*: language data on the activity of consciousness. *Voprosy jazykoznanija*. 2006. No. 5. Pp. 22—42.]
- Федотов 2002 — Федотов О. И. Основы русского стихосложения: Теория и история русского стиха: В 2 кн. Кн. 1. Метрика и ритмика. М.: ФЛИНТА; Наука, 2002. [Fedotov O. I. *Osnovy russkogo stikhoslozheniya: Teoriya i istoriya russkogo stikha* [Fundamentals of the Russian versification: Theory and history of the Russian verse]: In 2 books. Book 1. *Metrika i ritmika* [Metrics and rhythmics]. Moscow: FLINTA; Nauka, 2002.]
- Филипповский 1986 — Филипповский Г. Ю. Мотив движения в «Слове о полку Игореве» // Лихачев Д. С. (отв. ред.). Исследования «Слова о полку Игореве». Л.: Наука, 1986. С. 58—64. [Filiprovskii G. Yu. The theme of movement in the Igor Tale. *Issledovaniya «Slova o polku Igoreve»*. Likhachev D. S. (ed.). Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 58—64.]
- Цявловский 1962 — Цявловский М. А. Пушкин и «Слово о полку Игореве» // Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 207—239. [Tsyavlovskii M. A. Pushkin and the Igor Tale. *Tsyavlovskii M. A. Stat'i o Pushkine*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1962. Pp. 207—239.]
- Черкасова 1948 — Черкасова Е. Т. Служебное слово *бо* и его значение в древнерусском языке // Учен. зап. МГПИ. 1948. Т. 56. Вып. 2. С. 46—68. [Cherkasova E. T. The link-word *bo* and its meaning in the Old Russian language. *Uchenye Zapiski Mosk. Gos. Ped. Inst.* 1948. Vol. 56. No. 2. Pp. 46—68.]
- Ширяев 1986 — Ширяев Е. Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М.: Наука, 1986. [Shiryayev E. N. *Bessoyuznoe slozhnoe predlozhenie v sovremennom russkom yazyke* [The conjunctionless complex sentence in modern Russian]. Moscow: Nauka, 1986.]
- Штокмар 1941 — Штокмар М. П. Ритмика «Слова о полку Игореве» в свете исследований XIX—XX вв. // Гудзий Н. К. (ред.). Старинная русская повесть. Статьи и исследования. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. С. 106—136. [Shtokmar M. P. Rhythmics of the Igor Tale in the light of XIX—XX centuries investigations. *Starinnaya russkaya povest'. Stat'i i issledovaniya*. Gudziej N. K. (ed.). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of the USSR, 1941. Pp. 106—136.]
- Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. Т. 5. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. С. 293—296. [*Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve»*] [The Igor Tale Encyclopedia]: In 5 vol. Vol. 5. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1995. Pp. 293—296.]
- Эткинд 1999 — Эткинд Е. Г. Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М.: Языки русской культуры, 1999. [Etkind E. G. *Bozhestvennyi glagol. Pushkin, pročitannyi v Rossii i vo Frantsii* [Word divine. Pushkin read in Russia and in France]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999.]
- Ягич 1878 — Ягич И. В. О славянской народной поэзии // Славянский ежегодник: Сб. статей по славяноведению. Киев, 1878. С. 140—270. [Jagić I. V. O slavyanskoi narodnoi poezii [About Slavic folk poetry]. *Slavyanskii ezhegodnik: Sb. statei po slavyanovedeniyu*. Kiev, 1878. Pp. 140—270.]
- Якубинский 1953 — Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. [Yakubinskii L. P. *Istoriya drevnerusskogo yazyka* [History of the Old Russian language]. Moscow: Uchpedgiz, 1953.]
- Picchio 1972 — Picchio R. On the prosodic structure of the Igor Tale. *Slavic and East European Journal*. 1972. Vol. XVI. No. 2.

Статья поступила в редакцию 28.12.2013.